

М. ВЕЛЛЕР

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ

Михаил Веллер

Человек в системе

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Веллер М. И.

Человек в системе / М. И. Веллер — «Издательство АСТ», 2010
ISBN 978-5-17-106947-6

Эта книга Михаила Веллера раскрывает тайны человеческих конфликтов и парадоксального устройства общества. Как всегда, язык автора легок и ироничен, а открытия неожиданны. «Человек в системе» завершает темы бестселлеров «Все о жизни» и «Великий последний шанс».

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-106947-6

© Веллер М. И., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Глава первая	6
Хочу, могу и никому не должен	7
Рождается и приближается	9
Сцепления	12
Приближения	14
Линия отсчета	17
Похвала глупости	19
Язык твой – враг мой	23
Профессионалы и формалы	25
Акадэмия	28
Философствование насчет философии	31
Глава вторая	37
Суеверие	38
Молитва	40
Закон парных случаев	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Веллер

Человек в системе

«Ветвь не в силах постичь, что она лишь часть дерева.»
Блез Паскаль

«Я ем хурму, а рот вяжет у медника в Тибете.»
Восточная поговорка

Книга о том, что одиночества не существует, любовь и ненависть неразрывны, свобода каждого питает рабство толпы, и ты отвечаешь за все

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

© М. Веллер, 2017
© ООО «Издательство ACT», 2018

Глава первая Язык твой – враг мой Хочу, могу и никому не должен

О том, почему глупость благотворна, а свободные люди тянутся друг к другу и совместно делают то, что не нравится им по отдельности, получая заумные и лживые ответы на свои прямые насущные вопросы?

Хочу, могу и никому не должен

Люди золото, просто жизнь сволочная.

Как прекрасно было бы продать в рабство автора фразы «Свобода есть осознанная необходимость». То был великий политтехнолог, объяснивший нищим труженикам, что они уже свободны, так все хорошо. Слабо греет надежда, что в свободных угодьях Высшего Судьи и Утешителя для него нашлась поместительная сковородка и горсть угольков.

Ни один рекламный слоган не приводит в такое бешенство, как это верховное «Свобода есть осознанная необходимость». Седобородый философ и экономист выступил родоначальником начальников колымских концлагерей. А «Мир – это война!», издевательски откликнулся английский интербригадовец.

Мы рождаемся свободными, живем рабами и умираем идиотами. Иногда это раздражает. И побуждает идти в бандиты. Наши души засеяны гнусным семенем повиновения. «Динамиту, господа, динамиту!» – взывала анархистская газета грозовой эпохи революций.

На закате карьеры и славы великий актер Михаил Ульянов раздумчиво сообщил журналистам: «Всю жизнь я на девяносто пять процентов делал то, что было надо, и только на пять – то, что хотел». И я завился в штопор перед телевизором: всю жизнь малый я делал то, что хотел, бросая крошки пяти процентов в безмерную пасть тому, «что надо».

Почему мы не делаем того, что хотим, – это еще пол-вопроса; пол-беды. Почему делаем то, чего не хотим, – это забавнее. Почему делаем то, что не хотим, строим, с песней, добровольно! – вот что всего интереснее.

Как только свободные люди по свободному хотению приходят на свободную землю, они начинают обустраивать для себя рабство.

Количество переходит в качество удивительным образом. Каждый человек по отдельности хочет всего хорошего, разумного и правильного. (Ну, за исключением незначительного процента сволоты.) А все люди сообща и вместе – решают и делают какую-то хрень! И сами потом удивляются и негодуют, как же это так выходит. Ищут виноватых и назначают наказанных.

И тогда возникает естественная мысль. Если допустить, ну, теоретически и ненадолго, что все государства с их институтами мы расформируем. Всех людей распишем семьями в единоличники и расселим по отдельным клеточкам земли. И велим договариваться друг с другом напрямую, по уму, вот без этой государственной гадской машины. То нормальные разумные люди, работая и что-то делая, будут просто сообща меняться своими изделиями и сообща решать все важные вопросы. И все будет хорошо: справедливо и свободно... Вот это и называется анархизм.

Анархизм – народовластие без государства – есть идеал «гражданского общества». Как всякий идеал, он непретворим в жизнь, и попытки внедрить его открывают реки крови. То есть: и здесь не получается!..

Почему, черт возьми, я вечно с кем-то повязан и кому-то должен: родителям, школе (чтоб она сгорела), работодателю, семье, и самое главное – государству, которое меня постоянно обманывает и использует в своих корыстных целях? «Какое мне дело до вас до всех, а вам до меня?» – загремел тяжелым басом фугас из старого фильма.

Я не хочу! Я не хочу воевать. Не хочу щадить воров и наркоторговцев. Не хочу выкачивать недра страны и гнать все бабки за рубеж. Не хочу кретинского оболванивающего телевизора. Не хочу пошлости, рекламы, фальшивой политкорректности и тошнотворного разврата на правах нормы.

Я не хочу помогать голодающим Африки. Я хочу, чтоб они наконец научились работать и кормили себя сами на своей благодатной земле, где плодоносит даже воткнутый в джунгли

карандаш. Чтоб они прекратили делать двадцать детей на одну матку и занялись чем-нибудь менее приятным, но более полезным. Я не хочу продавать оружие дикарям, особенно в долг, который никогда не будет оплачен. Я не хочу слать рис и нефть дебилу-сыну-великому-руководителю-товарищу-Ким Чен Иру, – я хочу спустить нейтронную бомбу ограниченного радиуса действия на его резиденцию, причем для его же блага.

Почему я должен подчиняться власти, которая сама себя сделала несменяемой и совершенно обессмысла в своей однопартийной двухголовости? Я всегда был категорически несогласен с тем, что гражданин и верноподданный – это одно и то же. Как это вышло, что они врут по своему усмотрению, и нам запрещено возражать публично?

Я против чеченских войн, против раздутых, как дирижабли, охранных структур всех родов, против олигархов и плоской шкалы подоходного налога для миллиардеров. Я категорически против входа китайцев в Сибирь толпами.

И я, и все, кого я знаю, полагают, что все граждане государства, включая премьеров и президентов прошлых и нынешних, не должны освобождаться от уголовной ответственности за все, что сделали. Закон начинается с того, что обрушивается на головы высших чиновников государства, как только эти головы высунутся из правового поля.

Почему, черт побери, от нас ничего не зависит? И в результате мы говорим вместо «наша страна» – «этот страна», потому что она не наша. Она – их. И мы – их. Можно свалить, если получится. А если начать помногу выступать дома – посадят. Или пришибут. Как это вышло?! Да двадцать лет назад мы ничего не боялись и рубили что хотели и как понимали!

Почему я боюсь преступника в темном переулке – а власть запрещает мне иметь оружие, чтобы преступник не боялся меня? Почему в России опять применяется отрицательная селекция в видных областях государства – от губернаторов до телеведущих? Вон к черту все талантливое и незаурядное, лишь бы вертикаль власти, воткнутая всем нам в зад до самых гландов, высилась спокойно!

Почему – о великая загадка! о тайна тайн! – умные и приличные люди, собранные вместе в количестве четырехсот рыб и посаженные в здание на Охотном ряду, льстиво проголосуют за любое решение Кесаря, в смысле Премьер-Президента, вплоть до назначения коня, или лабрадорихи, в Совет Федерации от Чукотки или Калининграда?

Мы твердо знаем о себе, что мы умные, талантливые и великодушные раздолбай, которые достойны сладкой жизни в Золотом Веке, и уж точно достойны лучшей власти и реальности, но живемечно в дерьме. Почему?.. Так решил Бог? Это наш Бог, или засланный врагами бодибурсант?..

Почему интеллигентные ребята из Ленинграда, прекраснейшего и культурного из городов великого Советского Союза, выпускники элитных вузов и патриоты, трансформировались во власти подобно Дракуле и спускают родину в унитаз?

Почему пожелание сменить власть и людей у власти стало называться «экстремизм»? Мы не призываем к насилию! Пусть уйдут сами мирно и быстро, и мы даже согласны поднести за ними.

Каждый из нас отлично знает, как он хочет жить. Почему в реальности он живет иначе, даже если его, кажется, может быть, похоже, никто силком не заставляет?

Кратко это все можно сформулировать так:

Почему мы вместе другие, чем по отдельности?

Почему вместе мы делаем то, против чего по отдельности?

Кто наш враг и как с ним бороться?

Рождается и приближается

Процесс рождения книги напоминает возникновение из воздуха случайной проплывающей паутинки. На еле заметной невесомой нити оказывается темная точка. Это путешествующий паучок. Нить цепляется за встречную ветку, паучок шевелится и постепенно строит дом, – а дальше Мерлин с Дарвином включают прямую передачу, волшебство переходит в эволюцию, эволюция – в революцию! Гром гремит, метеорит обрушивается, динозавры дохнут, и стены торжествующей крепости стоят там, где не осталось и памяти о паучке с его воздухоплавательным приспособлением.

…У большинства людей паршивая память. У большинства людей все паршивое. Но нас заносит на философские обобщения раньше времени. Итак, большинство людей плохо помнят себя в детстве. Большинство людей вообще плохо помнит что бы то ни было. Но мы больше не будем забегать и отвлекаться! Большинство людей не в силах честно и объективно оценивать себя в раннем детстве, из-за чего происходит масса семейных конфликтов. А если бы помнили, то были бы умнее и, возможно, иногда уживчивее.

Процесс воспитания и формирования личности начинается с рождения. (Хотя, строго говоря, даже до рождения. Беременная женщина – это особенное шкатулочное существо, и люди всегда были к нему внимательны.) Первые слова и прикосновения матери – это уже передача ребенку существующей человеческой культуры. В эту культуру входит все по части деятельности и поведения. Информатика, этика, далее по списку.

Родительское повеление и родительский запрет кладут начало социальному оформлению личности. Получение всех нужных благ и наказание в виде их неполучения формируют в ребенке зависимость от ближнего окружения. Он соотносит свои действия с реакцией окружающих. И первичный опыт ложится в подсознание.

Пока это азбука. Следующая страница азбуки – воспитание. Почему предпочтительно начинать с азбуки? Потому что если ты не будешь помнить, откуда вышел, – то по дороге забудешь, куда ты идешь и зачем. Любой маршрут имеет начальную и конечную точки. Иначе это вольная прогулка для развлечения ног и дыхательных органов.

Родители и воспитатели всех мастей внушают ребенку: что не надо бить слабых; не надо отбирать у них понравившиеся игрушки; надо иногда давать им поиграть своими игрушками, потому что это хорошо; надо делиться с ними конфетами. Улица, детсад и школа прибавляют: надо давать сдачи и не надо ябедничать. Такова социальная адаптация ребенка, и она понятна.

(Чуть менее понятно другое. Улица, детсад и школа формируют групповое поведение и групповую этику; групповую иерархию; и вот в этой иерархии всегда есть изгои! Это самый жирный, или самый слабый, или самый тупой, или самый бедный, или самый богатый, или другой расы или национальности, или с дефектом речи и т. п. Причем! – с появлением в группе более подходящей кандидатуры в изгои – прежний изгой часто принимается в основное сообщество и присоединяется к мучителям нового бедняги. Вот такая дедовщина выходит. И! – никто этому детей не учит! наоборот! всячески порицают!

К этому нехитрому, но жутко принципиальному и показательному феномену позднее придется вернуться, и основательно.)

А пото-ом… А потом или запевает акын, или звенит гордостью историк, или рубит гранитные слова писатель, – и ребенок с трепетом и вдохновением познает походы Александра, и клятву Горациев, и стрелы Робин Гуда, и Мальчиша-Кибальчиша и его Великую Военную Тайну. Или смотрит голливудский блокбастер «Армагеддон». Короче, начинается патриотическое воспитание личности. Так было везде и всегда! (За исключением кратких периодов сытого упадка: типа нашего сейчас.)

Личности внушается: что общее выше личного; что интересы Родины выше твоих; что высшая честь и доблесть – служить своему народу; что нет славы большей, чем пожертвовать жизнью ради жизни своей страны. (Крайние варианты: диктатор перетягивает одеяло на себя, воспитывая патриотичных рабов, – или либерал-фундаменталист перетягивает на себя, объявляя личность главнее страны и разрушая саму страну, но уже с другого, нежели диктатор, конца.)

И вот тут – я вспоминаю... Амаркорд, понимаешь ли...

В четвертом классе я был старостой. В школе ввели соревнование. Чей класс получил лучшие оценки, меньше замечаний за нарушение дисциплины, чище вымыл пол, больше занят в разных кружках радиолюбителей и кролиководов. Нашему классу долго не везло. Но наконец наступило радостное утро. В тот зимний понедельник Переходящее Красное Знамя школьного масштаба на очередную неделю вручили нам. Присутствовали элементы торжества. Оу ѿс!

Сначала, теснясь в дверях локтями, вошли два барабанщика. Они барабанили. У одного вместо палочек были ручки, деревянные вставочки, и он барабанил ими. За ними знаменосец внес собственно знамя. За знаменем скученно маршировали двое ассистентов, воздев правые руки в пионерском салюте. А за ними официальным маршем водвинулись в класс доселе в нем небывалые Главные Лица: староста школы и председатель совета пионерской дружины. Они все выстроились перед доской и еще немного постучали и помаршировали. А мы, весь класс, стояли в проходах парт по стойке смирно. Затем староста школы объявил насчет первого места нашему классу. Старосту класса меня вызвали вперед. Вручили знамя. И я всунул древко в специально сделанное крепление сбоку доски. Рукопожатие начальства, барабанная дробь и аплодисменты.

И тут я неожиданно заплакал. То есть я удержал слезы на глазах, но это стоило мне огромного труда. Я испытал «неведомое доселе чувство». Самое странное, что раньше было глубоко плевать на это знамя. Как и всем остальным. Мы читали стишок: «Не стесняйтесь, пьяницы, носа своего – он ведь с нашим знаменем цвета одного». А сейчас я был растроган, расчувствован и несколько потрясен.

За всю школу я плакал дважды. Во втором классе – второгодник походя смял в кулаке пластилиновый самолет, который я с подробностями лепил все каникулы. Он потом жалел. А в пятом – мне неправедно набил морду один здоровый со своей кодкой, когда я в их двор пришел в гости к родне, а он принял меня за чужого. А так-то – чего плакать.

...И вот я под этим бедным сатиновым знаменем испытал «сильное душевное волнение». Телевидения в Забайкалье еще не было, слезы олимпийцев на пьедестале нам были неведомы.

Это было гордое чувство. Благородное. Возвышающее. Большое. Приятное. Захватывающее. Что-то в нем было самоотверженное. Что-то в нем было от смысла жизни, о котором я еще не задумывался. Это отдавало подвигом. Счастье, прошибающее до слез. Во бред.

...Сейчас я бы сформулировал это как «эмоциональное обеспечение внутривидовой межгрупповой конкуренции». А тогда я был просто потрясен приятно.

За нежным детством в свой черед наступает отрочество, с его необычайной внутренней чувствительностью и в той же мере необычайным внешним цинизмом, потрясающим взрослых грубым глумлением над всем святым. Не осталось моральных и государственных святынь, о которые мы не вытерли бы ноги с беспощадной издевкой.

Уроки. История. Литература. Война. Подвиги. «Молодая Гвардия». Герои-комсомольцы под пытками не выдали ничего и умерли гордо. Мы были впечатлены. В этом впечатлении заметное место занимало недоверие.

– Че-то я как представлю – да сдал бы на фиг всех! – с веселым и сочувственным цинизмом признался «один из нас». – Я вабще не представляю, как эти пытки можно терпеть... брр!! Да хрен ли они мне – братья?..

– Шнапсу бы налили, – поддержали мы. – Пожрать дали.

– Еще и денег бы заплатили.
– В гестапо бы приняли. Форму новую дали!

Наши учителя, услышь они эти комментарии, вырвали бы себе все волосы. Какая педагогика?!

Что серьезный допрос в спецслужбах невозможно выдержать дольше... ну, пары минут, – это мы узнали куда позднее. Не в том дело. А в том, что внутренне были устыжены своей человеческой слабостью. Мы знали, что быть героями – единственно достойный вариант. Это – долг, обязанность и так далее. Иначе ты полное дерьмо. И вот мы с ужасом усомнились насчет своего героизма. Но – ни на миг не усомнились в том, что такой геройзм – долженствует! верен! славен!

А в кинотеатрах шел «Овод», и красавец-революционер командовал у стены своим расстрелом, а бородатые карбонарии сжимали ружья у бесчисленных костров и клялись отдать жизни за свободу родины.

А на книжной полке стоял самый издаваемый писатель в СССР из всех, кто не входил в школьную программу – Джек Лондон: и Ривера дрался за всю Мексику, и винтовки принадлежали ему, революция будет продолжаться!

А потом мы, те, кто чего-то хотел, поступали в институты, и ездили летом в стройотряды, и одевались модно и хорошо как могли, но фарцу глубоко презирали. Фарцу интересовало только то, что можно было надеть, выпить или прослушать. Они были унтерменшами, вместе с официантами, мясниками и продавцами комиссиями: у них не было ничего, кроме предметов потребления.

Но никак не яснел самый глубинный смысл фразы: «Я ем хурму, а рот вяжет у медника в Тибете». Вышел «Домой возврата нет» Томаса Вулфа, и переплетенная взаимосвязь всего на свете попадала в унисон плывущего звука.

В мозгу вырос частокол непроходимых вопросов. Корни вопросов терялись во мгле вечности:

Почему правят всегда сволочи?
Почему благородство не вознаграждается?
Почему справедливость не торжествует?
Чего ради жить?
В чем смысл жизни?
Почему любовь почти всегда несчастлива?
Возможно ли вообще лучшее будущее?

Какого черта я должен жить так, как наставляют окружающие, если они сами ни черта не понимают?

От этих дел в двадцать лет я мечтал отправиться воевать – все равно куда и за что. Я мечтал об Иностранном Легионе. Он был на другой планете – в недосягаемой и нереальной Франции. Я мечтал об интербригаде в Испании. Она осталась в предыдущей половине века. Я пытался зондировать насчет Анголы и Мозамбика, но к отправляющим туда организациям меня близко не подпустили по анкетным данным.

Я в гробу видел всех, но жаждал соучастия в великих делах и причастности к великим свершениям.

...Вот всю жизнь я и носил в себе споры этой книги.

Сцепления

1. Два встречных муравья ощупывают друг друга усиками, две собачки обнюхиваются. Два человека – ?..

Контакт двух людей – в любой обстановке – выходит далеко за пределы слов, и жестов, и даже взглядов. Два человека словно тоже ощупывают друг друга невидимыми усиками, прослушивают неслышные волны, исходящие от другого. Две массы, два энергетических сгустка, коснулись друг друга полями. Через это общее полевое пространство, через зону совмещения, происходит двухсторонний обмен информацией. Каждый уясняет другого: кто ты? каков? чего ждать? с кем я имею дело? Насколько можно сближаться? Или лучше держать дистанцию подальше?

Вот двое попутчиков в купе. Считывается не только видеокод. Как ты одет и почем твое барахло. Насколько ты здоровый? обаятельный? уверенный в себе? Главное: насколько значительная личность вырисовывается за твоими манерами, мимикой, жестикуляцией, интонациями?

Два человека примериваются друг к другу – решая на уровне автоматики, рефлексов, подсознания, мельком, незаметно, не фиксируя этот быстрый процесс в сознании: кто из нас значительнее? Кто с кем больше должен считаться? Кто лидер? Или мы признаем равенство друг друга? И тогда будем оказывать взаимно мелкие знаки приязни: жест, вопрос, предложение глотнуть-куснуть, газету. Пробный шар – фраза, повешенная в воздухе, нейтральная: ответит ли попутчик или промолчит, желает он контакта или нет, подчинится моей интонации или проигнорирует.

Это – групповое поведение. Ни за чем не нужное. Так, для комфорта чувств. Потому что если попутчик не смотрит на тебя, не поддерживает фразы, не производит мелкие знаки дружелюбия – это дискомфорт. Вплотную к тебе, в замкнутом пространстве, находится человек, в добром отношении которого ты не уверен. Он не откликается на сигналы системы распознавания «свой – чужой». В случае чего от него не знаешь чего ждать. Он неприятен. И это его поведение – задевает; раздражает; мешает; оскорбляет, наконец. С таким человеком нельзя отправляться в поход, на шабашку, в разведку и на зимовку. Он будет мотать нервы. Он не адаптируется в группу. У него отсутствует «чувство партнера». Ему будут бить морду. Его могут убить – ни за что, просто в нарастающем нервном напряжении работы в замкнутом пространстве. На траулере такие часто падают за борт.

Но – один вечер в купе вам делить нечего! А на подсознательном, рефлекторном уровне он неприятен. Ибо двое – это уже группа. И нарушения группового поведения – ведут к конфликту внутри группы.

Для вас же спокойнее просто не обращать на него внимания! Почему это плохо получается?

Потому что срабатывает групповой инстинкт.

Если вы признали лидером его – возможна одна модель отношений. Лидер ты – модель может быть зеркальной к первой. Равны – тогда обозначаете друг другу «нейтральную полосу» взаимного пользования, в утилитарном и эмоциональном смысле. Но если он как бы не замечает вас вообще – то на уровне группового инстинкта он ставит вас намного ниже себя. И ваш инстинкт повелевает вам дать ему по морде, назвать козлом и хамом и подчинить себе. А вот генетика у нас такая. Эволюцию мы такую прошли. Кроме совсем уж потомственных холопов.

Подобные микроконтакты возникают на улице, в транспорте, в очередях и т. п. Смыл минимальной любезности ясен – групповое общежитие. А вот «ощупывание» друг друга такого явного смысла не несет. И однако!..

Групповой инстинкт включает в себя инстинкт иерархии.

2. Групповая иерархия подразумевает групповую координацию. Смысл координации действий понятен на производстве, на войне, в экспедиции. Но.

Иерархия есть всегда. А координация не всегда. Иногда она просто невозможна, ее никак не применить.

В группе детского сада. Или в школьном классе. Или в тюремной камере.

Все делается по распорядку. У всех равные права, обязанности и условия. Будь группа аморфной или иерархически структурированной – от этого абсолютно ничего не зависит. – Кроме социального статуса и самочувствия членов группы.

Быстро выделяются: лидер, перворанговые особи, второранговое большинство и изгои.

Вот такая самоорганизация социальной материи. Делать нечего – а структурирование происходит.

Реакция на вызов – это: лидеру достанется сладкий кусок или лучшие самки для передачи генов. И вот – самок нет, пайки равные, и все равно групповое структурирование работает.

Групповой инстинкт обеспечивает «целесообразное групповое структурирование» еще до того, как от него может быть толк, и даже тогда, когда толка вовсе не может быть.

3. Группы бывают самые разнообразные.

Наш двор, наш район, наш дом, наша школа, – мы пацаны отсюда. Наш класс и наш отряд в летнем лагере. Наша бригада, наш экипаж, взвод, рота, полк. Город, область, страна. Нация, народ, раса.

Групповое структурирование принимает разные формы, разные конструкции складываются, разные степени громоздкости и многоэтажности употребляются.

Наш взвод или наш класс – это явная группа. Но социумом ее назвать трудно. Слишком проста и несамодостаточна система.

Наш город – это уже социум. Даже если ввозит газовые плиты, цемент и куриные окорочки. Это нормально. Торгует. Но вообще в нем можно прожить всю жизнь, переходя из одной социальной роли в другую, женясь и продвигаясь по службе.

Но. Групповой инстинкт в классе и социальный инстинкт в городе – в принципе один и тот же. В классе его проявления крайне просты и немногочисленны. А в городе он имеет массу вариаций. Но суть та же. Контакт, взаимодействие, иерархия и ее признаки.

Поэтому выражения «групповой инстинкт» и «социальный инстинкт» можно применять в том же смысле, в зависимости от контекста, где как сказать удобнее и точнее.

Приближения

1. Жил-был Аристотель. Он был прекрасен. Он был мудр, но еще более последователен и цепок. «Жеребенок лягает свою мать», – любовно отзывался его учитель Платон о часто спорящем ученике. Аристотель был материалист, рационалист, воспитатель Александра Македонского, систематик и большой зануда. Движение его мысли напоминало танковую гусеницу на малой передаче. Пошла – до всего доедет.

В Средние века его называли просто: «Учитель». Без уточнения. С большой буквы. Ученые монахи знали его наизусть.

Вот он и сказал, в своей античной Элладе и задолго до мрачного Средневековья с его христианскими монастырями, сказал среди многоного прочего мудрого хрестоматийнейшую давно уже вешь:

«Человек – животное социальное». Это знают все разумные люди. Из чего отнюдь не следует, что все разумные люди это понимают. Но знают!

И поэтому основателем социологии следует, пожалуй, считать не Мак-Дугалла. И не Ле Бона. И не Конта. И не Спенсера. И даже не самого Аристотеля. А, скорее всего, Платона. Это он написал «Пир» и «Государство».

Платон хорошо знал, какими должны быть человеческие отношения, чтобы всем было хорошо. Справедливо, безопасно, изобильно и счастливо. После изложения своей гениальной теории каждый очередной правитель гнал его вон, пока самый вдумчивый не сослал на рудники, откуда Платона и выкупили друзья и ученики. Элементы идеального государства Платона пытались внедрить в СССР двадцатых годов и в Третьем Рейхе. Ни интернационал-социалисту Троцкому, ни национал-социалисту Гитлеру это не удалось. «Уж такой говенный замес попался», – гениально выразился в подобной ситуации президент Путин о своем народе, не понимающем планов руководства и не соответствующим возлагаемым на него надеждам. Вот и Платон со своим народом мучился.

Но о социологе Аристотеле тоже надо сказать еще несколько слов. Это материалисты считали его материалистом, а идеалисты считали идеалистом, имея к тому полное основание. А христиане, кстати, считали монотеистом, и потому не язычником. Ибо – что важно для нас:

А). В основе Бытия как первотолчок, первозапуск и перводвигатель лежит Бог как начало начал и источник перводвижения. (За последующие две почти с половиной тысячи лет аристотелевскому Богу дали еще массу названий.)

Б). «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку». То есть государство есть субъект. То есть не от воль человеческих зависит – быть государству или не быть. То есть существование государства объективно, и оно выше нас, оно первично по отношению к нам! Оно имеет более общий, более абстрактный, более приближенный к общей, единой, абстрактной идее Бытия характер, чем конкретизированный и детализированный отдельный и единичный человек. Нет, Аристотель точно был гений, даже не сомневайтесь.

В). «Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе». Каково?! Это уже в XX веке Лоренц отчеканил – походя причем! – «Справедливое – есть наиболее выгодное для всего вида в его совокупности...» Он это уже на уровне биологии и животных инстинктов сформулировал.

2. В XVIII веке люди вообще и философы в частности зауважали свой ум просто до ужаса. Они могли объяснить все с точки зрения разумности, причинности и целесообразности, и велели швейцарам передать Богу, что для него места нет. А уж в XIX эти паровозы с пароходами и электричеством вообще короновали человека как Царя Всего.

Научная нива заколосилась густо и бурно, и антропоцентризм вырос, как бобовый стебель до неба. На букву «г» написали гуманизм и стали кричать про Протагора с его «человек

есть мера всех вещей». С этого и пошло большое сомнение насчет человека: а он-то сам на кой черт нужен? а если так – то зачем все?

И вот Шопенгауэр, великий и неуживчивый Артур Шопенгауэр, превзойдя курс европейской, и прежде всего блестящей германской классической, философии – сделал к ней легкую прививку индийской. И объяснил всем с элементарной простотой и доходчивостью. Что в основе всего Бытия – лежит Мировая Воля. И никакой разум тут ни при чем. Высшая, Изначальная, Верховная – Воля – есть перводвигатель и первопричина всех действий, жизни всех существ и т. д.

Это – конечное объяснение. Воля иррациональна. Она есть потому, что она есть. Она являет себя через всех существ и через все их желания и действия. Потому что никакого стройного, разумного, полезного, необходимого объяснения конечной цели Бытия нет и быть не может.

3. Отчасти это имел в виду Бернштейн, когда позднее сказал свое знаменитое, за что и был обруган Лениным: «Движение – все, конечная цель – ничто».

4. А мистер Чарльз Дарвин со своей седой бородой и молодым конкурентом-единомышленником Уоллесом выдал насчет эволюции. Хотя и до него были теории эволюции, не он ее изобрел. Но добросовестен и последователен был беспримерно. В двух словах: все развивается от простого к сложному.

5. А вот и Герберт Спенсер присел к столу титанов. И с ясностью и логикой инженера-путешественника изложил. Что эволюционирующая материя существует в трех видах. Неорганическая. Органическая. И над-органическая, или социальная.

То есть. Все государственные институты, все формы человеческого общежития, все групповые разновидности, – это различные формы существования все той же, в принципе, материи, – в ее высшем, над-органическом, социальном виде. Вот такой венец эволюции – на сегодняшний день.

И попахивает это тем, что законы эволюции действуют для всех трех видов материи примерно одинаково. В принципе. О-па!

6. А на рубеже XX века все стало просто искриться и брызгать от напора и игры человеческого гения.

И Густав Ле Бон написал, что толпа мыслит, чувствует и действует не по тем же законам и принципам, что отдельный человек. Что сообщество многих – это отнюдь не простая арифметическая сумма. В толпе возникают новые свойства. И толпа глупее, грубее и агрессивнее составляющих ее людей по отдельности.

Заметьте, слово «система» при Ле Боне было еще не в ходу.

7. А Фрейд врылся в подсознание, и обнародовал вывод, что оно более руководит нашими действиями, чем сознание. Оно может быть главнее разума! Наши глубинные инстинкты, комплексы и скрытые желания, в которых мы даже не отдаляем себе отчета, – есть главный рулевой нашей жизни. Ох да ни фига себе. Фрейда с его психоанализом коллеги психиатры и психоневропатологи гоняли страшно. Мода и обезьянничанье пришли, как всегда, позднее.

8. А ученик и соратник его Юнг пошел дальше и сказал, что есть вообще «коллективное бессознательное». Не только отдельными людьми, но народами и человечеством в целом во многом управляет бессознательное. Образы, взгляды и стремления, утопленные ниже уровня умственного самоотчета.

9. «Стадный инстинкт» не столько открыл, сколько описал и ввел выражение в научный обиход британский хирург Уилфред Троттер. Тут и началась Великая Война, она же I Мировая.

10. А Чижевский в России строил графики и таблицы циклов солнечной активности – и получил неслабый вывод. Социальные катаклизмы на планете приходились на пики солнечной активности. Войны и революции соответствовали гигантским протуберансам и магнитным бурям.

11. А Вернадский, хотя жил в той же России не каждый день, но складом ума отличался также удивительно последовательным. Если сказать коротко своими словами – «По мере эволюции биосфера Земли миграция атомов биосферы активизируется». А также – «Созидательная деятельность человека стала планетарным фактором геологического масштаба».

12. После II Мировой войны осталось столько умных людей, что ужас охватывает при мысли, сколько же умных осталось среди 50 миллионов погибших.

Американец Лесли Уайт придумал культурологию. Нас, строго говоря, интересует только его статья «Энергия и эволюция культуры». Суть ее сводится к тому, что по мере использования все большего количества энергии все более развивается культура.

13. Бельгийский ученый и русский еврей Илья Пригожин, как это называется, «внес огромный вклад» в разработку теории самоорганизации материи. Из хаоса к порядку. А вот поскольку все течет и все изменяется, то в результате идущих процессов при некоторых условиях, скажем сейчас так, не вдаваясь в подробности, из более простого и неупорядоченного образуется более сложное и упорядоченное.

14. А немец Герман Хакен придумал синергетику. Придумал он слово. А говорил о самоорганизующихся системах.

...

После этого очень краткого и не совсем серьезного обзора можно кратко, опять же, изложить суть. Как систему отсчета.

Линия отсчета

Мне было тридцать два года, когда я написал рассказ с таким названием. Рассказ был отклонен редактором решительно и в первую книгу рассказов «Хочу быть дворником» не вошел.

Вообще это был не рассказ. Это было краткое изложение устройства мира и сущности человека в этом мире. На девятнадцати страницах.

Это не было исчерпывающее изложение мироустройства, прямо скажем. Но как умел я вклютил колышки в дикую пугающую целину. И провесил через них основную линию.

У меня получилось примерно так:

Что человек стремится к счастью – это понятно; но вот какого черта он явно стремится и к страданию? И почему счастливый внешне человек, обладая всем набором благ, может страдать и даже покончить с собой?

Поскольку вся жизнь наша тут же становится прошлым и переходит в область воспоминаний – что же человек лучше всего помнит? Самые главные события жизни, очевидно? Хренушки! Он помнит подчас полную ерунду, а важные события полустерты. Как так?! А он *лучше всего помнит то*, что доставило *самые сильные ощущения и переживания*. И более того! – его тянет потом всю жизнь к местам своих сильнейших переживаний, хотя страдал и еле жив остался!

Человек стремится не только к счастью. Но и к страданию. И не только. *Человек стремится к максимальным ощущениям*.

Уровень максимальных ощущений для каждого свой. Что пирату кайф, от того бухгалтер сдохнет от инфаркта. А пират сопьется в тоске на бухгалтерской работе.

Максимальные ощущения легко достижимы в чистом виде – через наркотики и т. п. Но для большинства это невозможно по закону больших чисел: кто-то должен производить наркоту и обеспечивать нарков едой, одеждой и жильем. Нарки могут существовать только в цивилизации. А для цивилизации большинство должно быть нормально.

Большинство получает *максимальные ощущения через максимальные для себя действия*. Люди всегда знали: «Ты должен делать самое большое, на что ты способен в жизни». Позже это назовут стремлением к самореализации.

А мотивация стремления к максимальным действиям основана на стремлении к максимальным ощущениям.

Поэтому человечество совершает самые большие действия, какие только может. Повинуясь не разуму – но инстинкту. Инстинктивному стремлению к максимальным действиям. Да: вот такое мудрое и образованное – гробит экологию и самоистребляется в войнах, что есть жуткая глупость! Ум – не главное. Главное – действие.

Гм. И в течение всей истории... Что? Человечество шло все к большим и большим действиям. Плавили металл, рыли каналы, строили плотины и заселяли пустыни. А потом – разрушали!!! А потом – снова строили.

История человечества есть совершение человечеством все больших и больших действий.

Прогресс – это движение ко все большим действиям.

А что такое действие? Это изменение чего-то в мире. Что-то в результате действия стало не так, как было до действия.

А что такое изменение?

Каков базовый, нижний, первичный, скальный уровень понимания, анализа этого процесса?

Видимо, *энергия*. А первичнее энергии нет уже ничего. Энергия – как способность совершить изменение. Как первичный посыл к действию.

Собственно, вся *история Вселенной – это эволюция энергии*. От Большого Взрыва, когда не было еще ни времени, ни пространства, – до настоящего момента, когда первичное расширяющееся раскаленное облако организовалось в сложные материальные структуры вплоть до биологических клеток и живых существ с нами, Человеками, наверху.

И коли мы есть порождение и часть Вселенной. И существуем как ее часть и по ее законам. То. Стремясь к максимальным действиям. И будучи встроены в энергоэволюцию Вселенной. Мы движемся к совершению нами Максимального Действия. Что в неограниченном ничем Идеале, в неведомом еще удалении времени и пространства – есть Максимальное Создание и одновременно Максимальное Разрушение. (Потому что создание и уничтожение равны по величине произведенного действия и противоположны по знаку.)

В то время господствовала теория Тепловой Смерти Вселенной.

И человечество послужит в этой точке Конца Всего как бы запалом: будучи неограниченно умным, технологичным и через технологии и разум энергетически потентным – Человечество грохнет всю материю Вселенной, и уничтожит умерший косный Мир, и зажжет в Новом Большом Взрыве – Новую Вселенную.

Вот такие Вселенские Роды. Король умер – да здравствует Король!

Ну, строго говоря, это уже можем быть совсем не мы. Нам всего-то миллион-другой лет. Невозможно предсказать, во что эволюционирует хомо сапиенс в результате генной инженерии и непредсказуемых мутаций. Но что факт: *эволюция неуклонно идет по линии повышения объема центральной нервной системы видов и повышения энергопотенциальности существ. Энерго-преобразование идет с положительным и нарастающим балансом.*

Вот так на двух страницах я изложил вкратце вам сейчас то, что изложил тридцать лет назад на девятнадцати.

Это был 1981 год.

Слово «ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМ» я тогда еще не придумал.

Позднее я изложил это все и многое другое в книгах «Все о жизни» (800 страниц) и «Кассандра» (400 страниц). И еще кое-где сколько раз.

А сейчас повторяю это только для того, чтобы читатель имел в виду всю картину происходящего. Где на одном конце – чувства и желания, мечты и страхи одного маленького человека – а на другом бескрайний Космос, пылающие в бездне звезды и Большой Взрыв в начале и конце пути. В начале и конце всего нашего Бытия. Все сущее, все происходящее находится в середине между этими крайностями, и притягивается к ним, как двумя резинками к противоположным стенкам одного помещения.

Что бы ни делало человечество – это шаг на едином Большом Пути. Внутри этого шага суетится многосложное броуновское движение человеков и социумов – но общий путь направлен и определен.

А поскольку больше всего людей всегда волновали отношения между людьми. И смысл явно неразумных человеческих поступков. И причина повторяемости исторических коллизий и невозможности извлечь практические уроки из исторических ошибок. То об устройстве нашего муравейника и необходимо сказать несколько слов.

Ибо отношения между людьми и группами в конечном счете определяются не разумом, не моралью и не пользой. Но сами разум, мораль и польза есть фрагменты и орудия Большого Пути.

Вытирайте ноги, входите, обувь снимать не надо, у нас климат не тот.

Похвала глупости

Почему народ дурак? О Господи, куда меня несет... А мы с тобой – бурундуки, или небожители? Выразимся изящно: почему общественное мнение подвержено общественному затмению?

В мрачном Средневековье рассвело светлое Возрождение – и вот Коперник осознал, и открыл, и обосновал: Земля вращается вокруг Солнца! – а не наоборот. Известил окружающих, город и мир. Ну и? Одни не поверили, другие выругались, третья не обратили внимания. Через сто лет Кеплер математически обсчитал модель Коперника. А Галилей смастерили первый телескоп и потряс народ своими наблюдениями. Тут его инквизиция и прихватила: народ не смущай!

Библии не перечь! Оправдываясь, Галилей перевел стрелки на Коперника: это он еще давно сказал, и ничего!.. Вот тогда обратили благосклонное внимание на теорию Коперника и запретили. О! Наконец Коперник стал знаменит, а его система все шире известна и признана. А ведь это не хухры-мухры, а открытие устройства мира.

А время идет, и вот еще лет через двести любимый мой Вильям Блейк меланхолично констатировал: «Невозможно сказать людям истину так, чтобы они ее поняли, – следует говорить так, чтоб поверили».

А на чем зиждется вера? – ну-ну: на авторитете, привычке, общепринятости – и многократной, как дробь дятла на ленте Мёбиуса, повторяемости. Языком сопромата: потребна остаточная деформация мозгового вещества.

Глазам – не верят! Народ подобен ребенку или пьяному: все видит – и ничего не понимает.

В 1903 году братья Райт подняли свой «флайер». Проходит год, другой, четвертый. Самолет летает уже десятки минут, уже на высоте сотен метров. А журналисты небрежно отмечают: ну, эффектный цирковой аттракцион. А военное ведомство реагирует: никакого практического интереса аппарат представлять не может. Братья изумляются, бьют себя кулаками по головам, устраивают гастроли по Европе, входят в моду! Уже несколько французских фирм стали делать аэропланы усовершенствованных конструкций – когда до американцев дошло, что это у них изобрели самолет!

Судьба пророка напоминает специальный торчок, об который кошки точат когти.

Циолковского соседи-горожане считали чайником, выжившим из ума, пока Советская Власть не сжала свою мозолистую руку во вразумляющий кулак и объяснила, что это есть наш отечественный звездный гений! Роберта Фултона с его пароходом гоняли из всех приемных мира: неизящное корыто воняет дымом... идите себе, любезный.

Этот блокбастер в жанре черной комедии имеет неограниченное количество серий. Сократа отравили, Цицерона зарубили, Христа распяли, Мани уморили в тюрьме, Магомета обсмеяли и выгнали, Томаса Мюнцера вообще четвертовали, Джордано布鲁но оставилось только сжечь. Встреча человечества с гением – это просто праздник души!

Короче, когда баран видит новые ворота, он не понимает, что он видит. Ну, видит... ну, новые... ну, и что?..

Нет-нет, все понятно: новое побеждает в борьбе со старым, и иногда уже после смерти новооткрывателя. А старое – это что? А это знакомый, привычный, ставший давно естественным для всех уклад жизни, всех отношений, мыслей и вещей. Многосложная, живая, единая ткань социума – вот что такое «старое». Старое – понятно, логично, ты органично встроен в него, а оно обмято по тебе, как обношенный приспособленный костюм.

И если ты начинаешь движение не в унисон, и движешься в непредписанном тебе направлении, – окружающая среда оказывается вдруг густой, вязкой как глина, переплетенной как

грибница, неудобопроходимой как полоса препятствий. Ты выбился из общего многосложного ритма жизни социума.

Могущественный консерватизм социума давит все иное, что может задавить. Ибо все уже имеющееся надо берегать всячески! – это результат тяжкого тысячелетнего пути, это проверено веками, это позволило нам выжить в мире и достичь высокого сегодняшнего уровня нашего развития.

Инстинкт самосохранения социума повелевает давить все нетипичное, нештатное, нетрадиционное: новое.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ отслеживает и ликвидирует все нетипичные новообразования. При отсутствии социального иммунитета мириады прожекторов и фантализеров, авантюристов и шизофреников всех прежних времен втюхали бы родным племенам и народам такие проекты! увлекли в такие перспективы! организовали такое устройство жизни! – что цивилизация развалилась бы и сгинула в самом зародыше.

Открытие нового подвергается не просто научной критике. Оно проходит испытание на прочность по полной программе: вплоть до уничтожения! Горы праха превращаются в переной культуры. И на этом удобрении дают ростки уцелевшие семена будущего.

Вот что сумело уцелеть – то и доказало свою жизнеспособность: то и истинно, получает право на существование и принимается обществом.

Уничтожение изобретателей и первооткрывателей – это естественная реакция системы на угрозу дестабилизации. Естественная реакция общества на угрозу для части своего устройства. Ибо в системе – будь то организм биологический либо социальный – невозможно реформировать или заменить одну часть, не затрагивая многочисленные связи этой части со многими другими. Ибо? Ибо! Ибо все устройство системы многократно отражается и повторяется в сознании каждой монады – каждого человека общества.

Консервативное начало повелевает сохранить все так, как есть навечно и безо всяких изменений.

А новаторское начало заставляет ежесекундно пробовать произвести любые возможные изменения, какие только можно придумать. А вот – лучше будет! интересней! прогрессивней! истинней! гуманней! и далее весь бесчисленный ряд мотивов и аргументов.

Единство и борьба этих двух начал, как ни банально это звучит, и есть имманентное свойство и источник эволюции социума и вообще цивилизации.

Попытки изменений производятся отнюдь не только в сторону улучшения (как люди обычно понимают улучшение). Попытки изменений совершаются непрестанно по всей сфере возможных направлений. Вот все, что только можно придумать, измыслить, вообразить – все и пытается осуществиться. То есть:

СОЦИАЛЬНЫЕ МУТАЦИИ происходят в обществе постоянно. На разных уровнях. Научном, техническом, культурном, экономическом и т. д. Они могут иметь для общества значение вредное, полезное, и чаще всего нейтральное. Почти все они тормозятся и гасятся без последствий для общества.

Но иногда. В редких отдельных случаях. Мутация оказывается ощутимо и резко полезной. А импульс ее мощен и не дает себя погасить. И общество эволюционирует. Изменение встраивается в обновляющуюся систему.

Тогда бегут с лаврами и фанфарами. Иногда под дверь, иногда к могиле. Художник пишет гордый лик, поэт слагает оду, историк вызолачивает биографию.

Пьедестал памятника сделан из плахи таланта.

Разведчик – профессия повышенного риска.

Если бы другие не были дураками, то мы сами оказались бы ими, вздохнул сэр Вильям Блейк.

Вот старый и хрестоматийный опыт. Из десяти испытуемых девять проинструктированы, а десятый – чистый наивняк. Определите сравнительную длину двух отрезков. И девять дружно и рассудительно решают один за другим, что короткий – длиннее. Десятый смущен. Сбит с толку. Колеблется... И в большинстве случаев – соглашается с ними! не веря собственным глазам! не веря очевидной и простейшей истине! Он называет явно более короткий отрезок – более длинным, и его колебание сменяется облегчением: он сделал выбор. И лишь немногие, плюя на единогласное мнение остальных, называют короткое коротким, а длинное длинным.

Социопсихологи здесь говорят о конформизме и нонконформизме. Человеку, то есть, свойственно разделять мнения большинства, даже если эти мнения явно неверны. То есть были бы неверны, если бы он имел возможность спокойно оценить все самостоятельно, в одиночестве, без оглядок. А так: «Если десять человек сказали, что ты пьян – заткнись и иди домой спать, значит пьян». Оно все так, но попробуем взглянуть глубже.

Явления следует рассматривать на базовом уровне. Основном.

Шо мы имеем? С одной стороны мы имеем сенсорный опыт. Сигнал органов чувств. Однозначно ясный: здесь длиннее! А что такое работа зрения? Первейший фактор ориентирования в пространстве. Главнейший способ получения всей информации обо всем происходящем. Зрение имеет жизненно важнейшее значение! Зрение – одно из важнейших проявлений инстинкта жизни: видеть, чтобы жить.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ИНСТИНКТ. Вот что мы имеем с одной стороны.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИНКТ. Вот что мы имеем с другой стороны.

И социальный инстинкт оказывается для подавляющего большинства людей важнее индивидуального. Быть в социуме, быть членом группы – эта потребность сильнее в человеке, нежели потребность доверять своему личному инстинкту жизни. А само наличие группы предполагает ее единство. А единство существует на разных уровнях. А один из уровней – это единство мнений и оценок всех членов группы по максимальному числу вопросов.

Поэтому ревет толпа: «Распни его!», или «Еще огня!», или «Смерть неверным!»

Единство мнений толпы есть проявление социального инстинкта, необходимо наличествующего в социальной форме существования материи. А скорость эскадры измеряется по скорости самого тихоходного судна, – и мнение толпы умственно ограничено уровнем, доступным самым тупым ее членам.

Толпа существует не для мозгового штурма интеллектуалов и вообще не для того, чтобы мыслить. Толпа существует для того, чтобы действовать! Толпа повинуется социальному и системному инстинкту: стремится к максимальным действиям, возможным лишь согласованно, массой. Поэтому толпе нужны простые, ясные, односложные решения. Команды и лозунги! А не интеллектуальный анализ.

Поэтому толпа, как давно отмечено, всегда глупее почти всех ее членов по отдельности. Мозги нужны солдату только для выполнения приказа! Все! Умничать будете на гражданке.

И что бы там ни говорили о «постиндустриальном» «информационном обществе», мозги и инстинкты всегда остаются те же самые.

Так что, ребята, на сто непризнанных гениев – девяносто шизиков, семь бесплодно ошибающихся, двое принципиально бесполезных – и только один измыслил черт знает что такое новое! но сограждане по тупости своей, по устройству зрения не способны видеть пророка в своем отечестве. *Единообразие* – девиз жизни необходимого большинства.

И глупость объясняет нам: «Без меня никакое сообщество, никакая житейская связь не были бы прочными и приятными: народ не мог бы долго выносить главу государства, начальник – подчиненного, прислуга – хозяина, учитель – ученика, друг – друга, жена – мужа, жилец – домохозяина, работник – работника, если бы они взаимно не заблуждались, не льстили, не уважали чужих слабостей, не потчевали друг друга медом глупости». Эразм из Роттердама издевался... но под слоем шутки твердел стержень нежеланной истины.

Системообразующая сущность конформизма.

А почему смерть идееносителя – способствует признанию, мифологизации, славе? Почему мученичество – крепит веру и идею, привлекает к провозглашенной истине? Потому что муками и смертью творец предъявляет обществу **надличностную ценность** своей идеи. Не для себя – для людей радел. Что-то в этом есть, если за это погиб, а?..

А **надличностная ценность** обладает системообразующей силой. Людям потребны объединяющие истины, системообразующие величины: людям надо верить во что-то общее, иметь единые критерии поведения, одну и ту же точку зрения на мир.

Погибнуть не отрекшись – значит зажечь в ночи огонь, на который полетят стаи человеческих мотыльков. Огонь самосожженца оставляет сияние над истиной.

Хотя лучше по-простому: жить долго, убедить всех, облагодетельствовать человечество и прославить свое имя. Но...

«Если за все хорошее, что Он сделал для людей, Христа распяли, – то почему на лучшее должен рассчитывать ты или я?» Ну разве Карнеги был не прелест.

Господа. Имейте каплю совести и крупицу разума. Нельзя быть одновременно и молodyм, и красивым, и любимым, и умным, и счастливым, и гениальным, и знаменитым. Должно же остаться что-то и для посмертной славы.

Более того. Кто сполна вкусила бурной славы при жизни – часто сходит в тень раньше смерти. Должно быть, видимо, какое-то распределение благ во времени. Кто чего недобрал в один период – часто наверстывает другой. Эдакий закон компенсации в человеческой судьбе.

Ты думаешь, твоя голова умнее всех? А вот сейчас мы трахнем по ней и проверим.

...

Когда юноше приходит срок стать воином – племя подвергает его жестоким испытаниям. Боль, изнеможение, жажда, голод, страх, – ты должен перенести с честью. Иначе ты никуда не годишься.

Гений – это ум? Не только.

Гений – это судьба. Не только.

Гений – это характер.

Ну и вообще: кому много дано – с того много спросится, кто ж это не слыхал.

Штурмовой встречный ветер, преодолеваемый гением – это сопротивление окружающей среды. Чем больше ты хочешь изменить – тем сильнее сопротивление.

...Ну, а теперь давайте разбираться, что к чему в нашей песочнице.

ЯЗЫК ТВОЙ – ВРАГ МОЙ

Наука появилась раньше, чем возник научный язык. Содержание опережает форму. Едины-то они едины, но содержание несколько более едино. Форма бывает вариабельна. Ну, в некоторых случаях.

Античная же философия вообще обходилась без спецязыка. За исключением отдельных терминов типа «атом» и «эйдос», приобретших дополнительное спецзначение. Философы были мудрецы, логики, софисты, казуисты, моралисты, футуристы, наставники, консультанты и аналитики. Накопители знаний, классификаторы и интерпретаторы.

Поэтому читать античных философов может любой, кто не имеет ограничения по голове.

Затем? Затем. Затем наступило мрачное Средневековье, хотя средневековцы этого не знали, и так свое время не называли. Христианство затянуло античную вольницу в вериги, завесило власяницей, пригнуло на колени и заключило в монастыри. Варвары размололи латынь в своих наречиях. Проблемы богоустройства стали во главе угла. Латынь сделалась языком мертвым, и этот мертвый язык был единственным языком науки. Латинские выражения превратились в спецтерминологию посвященных средь моря неграмотного быдла.

Лютер перевел Библию на русский, тьфу, на немецкий, и философия Возрождения стала разворачиваться лицом к народу. Будь проще, и люди к тебе потянутся. Но за тысячу лет латинская терминология прочно застяла в узелках философских координат.

И вот французские Энциклопедисты стали писать как можно проще – но одновременно классические немцы с темным Гегелем в верхнем углу стали писать как можно сложнее. Правда, они были и умнее, похоже.

Гегель был так мудр, что после него захотелось коровьего мычания. После лекции по квантовой механике избыточный адреналин подталкивает на анекдоты. Итого во Франции возобладал демократизм, в Англии здравый смысл, а в Германии Шопенгауэр, не говоря о последующем Ницше.

То есть. Читать Герберта Спенсера легко и нормально. Читать Шопенгауэра легко и нормально. Читать Ле Бона тем более легко и нормально. Потому что они были нормальные люди. И у них были самостоятельные и крупные мысли. Которые они более всего желали понятно и точно изложить и донести до читателя.

О черт, я чуть не забыл! Вот Буало во Франции и сказал перед всем этим Новым Временем:

«КТО ЯСНО МЫСЛИТ – ТОТ ЯСНО ИЗЛАГАЕТ».

Ну, Золотой Век кончился Мировой Войной, а потом пришли модернисты с постмодернистами, и одновременно гомосексуалисты, социалисты, узкие специалисты и внутринаучные фантасты. И могучее древо философии стали расщеплять на спички и лучины философских поднаук. Бритва Оккама за этим нелегким занятием затупилась, иззубрилась и была выкинута вон. Сущности стали множиться, как дрозофилы, и отражаться в лабиринтах зеркал. Постмодернистская философия вооружилась сачками и стала играть этими мушками в бадминтон. Шпанские мушки щекотали элитный интеллект. В моду вошла игра в бисер.

Философская долина заросла терминологией, как густыми волосами в период зреости. Ровная кожа при рассмотрении в микроскоп испещрилась лунными кратерами, и каждый имел свое название. Текст обрел насыщенность полосы препятствий.

Для большей понятности – сравнение: размножение философских спецификаций можно уподобить размножению бюрократии. Поначалу же нормальные были и полезные ребята, свои и немногочисленные, и нормально помогали решать государственные и социальные вопросы. А потом стали обрастиать другими чиновными ребятами в геометрической прогрессии, инструк-

ций друг другу они до черта понаписали, и стало от них не прдохнуть, и никакой элементарный вопрос решить стало невозможно.

По мере времени в развитии любой системы прогресс переходит в стадию *системной дегенерации*. Количество вспомогательных элементов переходит меру и дает новое качество: помеха вместо помощи. Но. Но система требует, чтобы все новые элементы в ней выглядели привычно, единообразно: «подобающе». И? И.

И научный стиль превращается в ребус. Изобилие терминологии являет собою «спецязык». Термин есть знак кодированного понятия. За ним тянется ветвистый пучок связей, следствий и ассоциаций. Разные научные течения часто придают терминам различающееся значение. Процесс чтения перестает напоминать езду по гладкому шоссе и напоминает ориентирование в лесу, когда карта помята и условные значки расплываются и часто неразборчивы.

Зато сразу видно, что стиль научный.

Для научного стиля характерны длинные предложения со многими оборотами, масса вводных слов, уточнений, распространений... Короче, характерна лексико-грамматическая перегруженность фразы. А также перегруженность внешними семантико-логическими связями. Стиль густ и вязок для потребления. Не для дурачков писано, не для дилетантов. Для подготовленных специалистов, людей умных.

И здесь кроется под ковром спецязыка спецловушки. А в спецловушке часто сидит голый король.

Объем оперативного мышления мозга – величина ограниченная. В единицу времени мозг не может перелопачивать и раскодировать информации больше определенного предела.

Или ты несешь шестьдесят кило хлеба – или шестьдесят кило упаковки. Упаковка должна быть минимально достаточной для переноски на данное расстояние в данных условиях.

Проигрывая в силе – выигрываем в расстоянии. И наоборот.

Выигрыва в точности, объемности, длинномерности и ассоциативности густой терминологии – мы проигрываем в объеме и массе конечного смысла в сухом остатке.

Все большая часть оперативного мышления расходуется на раскодирование научного языка и сплетение понятийного ковра из расшифрованных понятий. И это происходит за счет уменьшения постижения упакованной смысловой части. Причем не только адресатом – но и автором-отправителем!

Умная сущность заменяется умной формой – при минимуме или вовсе отсутствии принципиально новой или существенно сложной информации.

Сложность формы оттягивает на себя мозговое усилие с сути, и это стянутое одеяло оставляет суть озябшей, маленькой и полуохлаждой.

Обычно содержание современной философской статьи сводится к гулькиному носу, и тот часто следствие пластической хирургии.

Простота изложения отнюдь не адекватна простоте содержания. Излагать просто труднее, чем сложно. Сначала трудно постичь. Потом трудно изложить. Потом трудно передать человеческим языком. Вот последней частью триады обычно пренебрегают, и более того – отвергают уничижительно.

Вот поэтому мы будем говорить просто. Нас интересует суть.

Профессионалы и формалы

Противопоставление профессионалов и дилетантов уже на стилистическом уровне не в пользу дилетантов.

Профессионал – это основательно подготовленный человек, под руководством учителей прошедший школу. Он превзошел базовый курс всех наук, лежащих в основе его профессиональной деятельности. Он занимается своим делом ежедневно, и это есть его профессия. Этим он зарабатывает себе на хлеб. Он постоянно в форме. Он в курсе новинок. Он информирован. Он знает законы и правила своей профессии. Коллеги дают о нем положительные отзывы. У него есть свой участочек в науке, хоть крошечный.

Дилетант не имеет систематического базового образования в деле, за которое принялся. У него нет диплома с положительными оценками по курсам прослушанных наук. У него не было преподавателей его науки. Он вообще учился чему-то другому и зарабатывает на жизнь чем-то другим.

Он не входит в корпорацию, не включен в корпоративную иерархию, не знает всех правил. В его знаниях есть пробелы. Иногда он нарушает элементарные законы своей «факультативной профессии» – по незнанию или верхоглядству. Он несерьезен и чужд.

Давайте разбираться. Здоровый парень впервые вышел на ринг и был мгновенно нокаутирован меньшим и слабейшим по физическим данным, но техничным боксером. Вот разница между профессионалом и дилетантом.

А вот парень вышел на ринг и избил мастера спорта. У него молниеносная реакция, жуткая колотуха, он держит удар как столб, а тренировался он самостоятельно в сарае с пыльным мешком.

Победа определяет, кто лучший боксер.

Или приезжает девчонка из провинции поступать в консерваторию и вдруг выдает такое пение природно поставленным голосом, что примы бледнеют от предошущения ревности. Ну – слышно ее!..

А что, черт возьми, есть критерий в гуманитарных науках? В гуманитарных науках нам норовят сообщить, что конечная истина недостижима и непостижима, а объективной истины нет вообще. Причем и по этому вопросу есть разногласия; а само значение слова «истина» по-разному определяется в разных парадигмах.

Концентрация научной атрибутики и степень общепризнанности профессиональным сообществом – есть основной критерий профессионализма. Оно же – критерий значимости. Оно же – критерий истины. Нет?

Если перелопачено много материала – тогда ясно. Если приведен в какую-то систему нарытый ранее горами материал – тогда ясно. А если это «К вопросу о трактовке термина „хрен огородный“ в монографии Митина-Попеля „Идеальный человек и постмодернистская философия“ в свете развития синергетики»? Научный вклад неразличим невооруженным глазом – но профессионализм налицо!

Если доктор исторических наук, специалист по довоенному периоду советской истории, скажем, перевирает по незнанию марки военной техники и принципиальные цифры, – он профессионал? Да.

А если инженер без истфака обнаруживает в этом вопросе гораздо большую осведомленность и складывает разрозненные ранее факты в систему, объясняющую причины процесса, – он дилетант? Гм. Да. Ну, не дилетант – так любитель. Все равно эту куда хуже, чем профессионал.

А если академик от истории, или философии, или экономики тридцать лет нес коммунистическо-марксистскую чушь, подгоняя свои верноподданнические выводы под приказную партийную установку... – он профессионал? Гм. Да. Он был не прав, но он был профессионал.

Опаньки!.. Получается, профессионал тот, кто обладает всеми формальными признаками профессии: диплом, диссертация, встроенность в профессиональную структуру, зарплата за это занятие. Хреновый столяр, руки из задницы растут, но это его профессия.

Слово «профессионал» стилистически сильно оформлено. Профессионал в спорте – это сильнейший и наилучший, отбор жесток и постоянные нагрузки огромны. Профессиональный солдат, моряк, строитель и т. д. Слово звучит похвалой и признанием. Верхняя ступень на лестнице занятий.

Но. Говоря о гуманитарных науках. Образование представляет собой чтение книг, слушание лекций, сидение на семинарах и сдачу экзаменов. Книги доступны каждому, лекции изданы в учебниках, семинары и экзамены есть кнутик для нерадивых. Знать историю лучше профессионального историка есть вопрос желания, времени, памяти и количества прочитанных книг. Все? Все...

А если уровень знаний одинаковый, то что отличает профессионала от любителя? Степень понимания. И атрибутирование профессии.

(Понимание – у любителя может быть выше! Здесь все дело в голове. Многознание уму не научает. Но – не будем забегать...)

Слов сказано уже гораздо больше, чем надо для понимания. В любом случае, невзирая ни на что, профессионала отличает от любителя наличие формального образования, формально подтвержденной корпоративной компетентности и формального инкорпорирования в профессиональную среду; плюс получение денег за занятие своей профессией.

А если профессионал некомпетентный дурак? Ну, в любом деле есть некомпетентные дураки.

То есть. Относительно гуманитарных наук. Где возникают споры профессионалов с любителями. Слово «профессионал» корректно будет заменить словом «формал».

Любитель может быть гораздо более основательным профессионалом, чем формал. Он может читать больше литературы по специальности. Он может фанатично уделять больше времени и энергии своему делу. Он не отвлекается на заседания кафедры, преподавание, участие в комиссиях и поездки на конференции. Он не должен соотносить свои труды с мнением научных руководителей и авторитетов. Он пашет ненормированный рабочий день, его работа и хобби налиты в один флакон. Он компетентнее в своем деле, черт возьми! Он и есть профессионал! Но не формал.

В споре между формалом и неформалом профессионал тот из них, кто более владеет предметом! Кто больше и глубже знает! Кто посвятил этому больше времени! Кто будет спорить?..

Под «профессионализмом» обычно подразумевается не степень владения профессией – а принадлежность к формально-корпоративной структуре! То есть: не тот кузнец, кто лучшие мечи кует – а тот, кого старейшины цеха приняли в гильдию.

Вот термины «профессионализм» и «формальная принадлежность» в гуманитарных науках должны быть жестоко разведены и отделены друг от друга. Так же как «любитель» и «дилетант» по сути означает малую степень владения предметом, нерегулярность занятий, отсутствие необходимой образовательной базы. А не работу вне формальных структур и без соблюдения формальных процедур.

Слава Богу, всех выпускников Литературного института еще никто не придумал называть писателями и поэтами. Образование писателей разнообразнейшее. И Союз Писателей СССР, гнусное чиновное министерство советской литературы, давно и навсегда ликвидирован. А ведь

в советские времена профессиональным писателем называли только члена Союза писателей! А принимали только кого надо, и ох не простая была процедура!

Так что, ребята, по участию или неучастию в работе структур и ведомств – надо различать формалов и неформалов.

А по степени компетентности в предмете и глубине мышления, и уделяемому времени, – профессионалов и непрофессионалов.

Подмена этих понятий на руку сплоченным бездарным формалам, которых большинство везде, и которые зорко охраняют свою поляну кормления.

Если же говорить о философии, то Герберт Спенсер был инженером-путейцем, Ницше – филологом, Декарт окончил лишь иезуитский колледж, и так далее.

У формалов и неформалов имеет место разница ценностных ориентаций. Не-формал снедает идеей и жаждой, мысль обуревает его, внутренний посыл не дает сидеть на месте. Он роет землю день и ночь в поисках вожделенной истины. Открытие кружит ему голову. Годы занятий делают его профессионалом. Действия же формала регламентированы, и средства (типа научных степеней) чаще всего становятся целью.

Если энтузиаст-неформал десять лет упорно занимается любимым делом, он делается серьезным профессионалом. Заметим, таких людей вообще мало. Речь идет о творческих натурах. И только о них.

Среди формалов такие безусловно есть. Но, естественно, меньшинство. Творцов везде меньшинство.

«Карьерный дипломат» на дипломата учился и шел по ступеням дипломатической лестницы. «Некарьерный» – ранее занимался другим делом, но по умственным, волевым и образовательным данным был поставлен на конкретный ответственный пост – как серьезная фигура. Дилетантом и любителем его не зовут, а мнения карьерных дипломатов при назначении его их начальником не спрашивают.

Карьерные философы всячески отбрыкивают информацию о некарьерных. Конкуренцию никто не отменял во всех отраслях деятельности. В любви и на войне все способы хороши. Конкурент подлежит уничтожению. Обвинения в непрофессионализме, что на деле есть констатация непринадлежности к формальным структурам и не более, – удобный аргумент. Аргумент по форме, а не по сущности.

Но когда академическое поле подверглось бесплодию вследствие многолетнего засоления почвы, живое дерево можно вырастить только за его пределами.

Акадэмия

Древние греки произносили в этом слове «д» твердо. Ну, по крайней мере большинство классиков так считает.

Что характерно для сегодняшнего академического поля? (Так и хочется придушило впилить «Поле чудес в стране дураков». Но мы воздержимся от пошлого зубоскальства. Ослов и ученых на середину! А сам-то я кто, если под покровом тумана пробираюсь на это поле с пятью золотыми за щекой, чтоб вырастить чудесное деревце с ширпотребом от кутюр?..)

Для сегодняшнего академического поля характерен процедурный и вообще формальный канон.

Во-первых, следует превзойти курс философского факультета, сдав проходимые дисциплины на положительные оценки. И защитить диплом на тему, утвержденную кафедрой.

Во-вторых, поступить в аспирантуру или оформить соискательство на кандидатскую степень, и найти себе научного руководителя.

В-третьих, этот научрук будет визировать твои статьи и диссертацию. Учитель у тебя должен быть!

Публикации должны соответствовать требованиям, предъявляемым научными журналами и сборниками. Соответствовать канону. Обзор предшественников, формулирование темы или вывода, научные ссылки на авторитеты. Язык без эмоций. Интонация нейтральная. Резюме. Библиография.

Оппоненты, доктора наук, высажут свои критические и одобрительные замечания. Если твоя точка зрения противоречит взглядам серьезного авторитета – тебя разнесут. Если явно вносит что-то новое и серьезное – к тебе присосутся маститые соавторы и постараются большую часть заслуги приписать себе. Если твои работы блестят яркой мыслью – завистники постараются зарыть тебя в навоз.

Ну, а поскольку большинство везде составляют заурядности, то наука, разумеется, не составляет исключения. Полвека назад сосчитано, что девяносто семь процентов работников научного поля любой страны – балласт, систематизаторы, администраторы, компиляторы и популяризаторы. Они необходимы, чтобы частый бредень институтов захватил с ними и три процента тех, кто двигает науку.

А критерий где?.. А кому такое положение вещей выгодно?.. С критериями в трепологических гуманитарных науках плохо. Прикажут марксизм – будете марксистами. Прикажут церковь – будете православными. Прикажут либерализм – будете педерастами и жуликами. Прикажут реформу языка – и как родные закурлычите «облегчить» и «обеспечение».

А выгодно это тому, кто через коня перепрыгнуть не может, но все занятия по физкультуре посещает исправно, форма спортивная у него всегда в комплекте и чистенькая, подбегает к снаряду бодро, а упав вскакивает и принимает четкую стойку приземлившегося. Все смеются, физрук улыбается, но: «Подход пять, отход пять, посещаемость пять, форма пять, выполнение упражнения – два... общая – четыре».

И если в научной работе абсолютно все требуемые условия соблюdenы, то неразличимость научного смысла можно простить. Типа все мы не гении, ученый владеет предметом, посильно двигает современную науку, поздравляю с новой работой, коллега. А руководители кто? Здрасьте и вам.

Наука монополизируется. Свободная конкуренция давится в зародыше. В науке возникает административный ресурс и идет в ход всей своей мощью. Ревность. Плановость. Дележ пирога. Борьба за гранты и госдотации на учебники.

Плевать нам на это, на каждой кухне свой чад и помойное ведерко, если бы не одно но.

Сегодня уровень информационного обеспечения любого бытового шага таков, что в инструкцию к микроволновке прилагается запрет на сушку в ней выкупанных кошек, чтобы не сдохли. Два на три продавец умножает на калькуляторе. И на любое утверждение в научном труде полагается ссылка. Вот вы полагаете, глубокоуважаемый коллега, что при наличии стимулов производительность труда возрастает? Ссылочку извольте привести: кто, когда, в каком труде и на основании каких исследований доказал научно, что возрастает. А иначе это не наука.

Благими намерениями мостится дорога в зад. Самостоятельно определите и уберите лишнюю букву. Как показал Абрам Маслов (простите, Абрахам Маслоу), потребности бывают первого и второго порядков, причем сначала необходимо утолить жажду и голод, а уже потом искать смысл жизни и делать прическу. И таки да!

Ссылки всыпаются в текст густо, делая раствор близким к кристаллизации. На любом пункте автор работы переводит стрелки на других: это он сказал, а это вон тот, их утверждения видимо проверены научной общественностью, так что если они и ошибочны, я лично не виноват.

Но главное: избыток ссылок, упор на ссылки, – не оставляет пространства для самостоятельного думанья. Мыслительный процесс заменяется сборкой конструктора «Лего». Корпоративная солидарность девяноста семи процентов бездарей зорко охраняет свое право заниматься наукой: выкладывать узоры из ссылок без необходимости предъявлять собственную оригинальную мысль.

Гениальность – это когда кругом с каждым годом становятся все большие идиотов, не понимающих элементарных вещей.

Благородный путь познания методом углубленного и последовательного размышления, который превозносили древние греки, легко осмеивается.

Избыток справочного аппарата в тексте компенсируется пропорциональным уменьшением доли мышления. Более того: у массы гуманитарных ученых школа отбивает умение мыслить самостоятельно, атрофируя само представление о самостоятельном мышлении. Грубо говоря: они зазубривают формулы, но не в состоянии вывести их самостоятельно, исходя из простых первичных данных, – если перевести с гуманитарного на язык точных наук.

Таким образом доктор психологии может отрицать групповую самоидентификацию по национальному признаку, ссылаясь на авторитеты политкорректности, а доктор философии может всю жизнь изучать некоторые аспекты соотношения идеального и материального, жутко уважая при этом свою профессиональную компетентность. Прекрасны также экономисты, научно выводящие формулы того, что если тебе проще выменять нужную вещь на производимый тобой постоянно продукт, чем сделать эту штуку самому, – то согласно теории ученых таких-то большинство современных экономистов склоняются к этой точке зрения.

Справедливый вопрос: «С чего вы это взяли?» заменен профессиональным вопросом: «Предъявите, где вы это прочли». Логика, анализ, экстраполяция – не считаются.

Здравый смысл превратился в антинаучное понятие, достойное поношения.

Историки, будучи не в состоянии сформировать факты в теорию, – требуют исключительно архивных документов, приравнивая их отсутствие или ненахождение к бездоказательности и ошибочности. Логика, политология, стратегия, экономика, социология и психология – для большинства историков словно не существуют. Они принципиально отрицают самостоятельное мышление и злобно требуют документов, хотя любой документ можно как сфабриковать, так и уничтожить. Официальная русская история XX века, скажем, яростно сводит себя к архивистике.

Кризис цивилизации имеет необходимым аспектом кризис мировоззрения. Что естественно осуществляется в кризисе гуманитарных наук.

Внутринаучная гуманитарная методология начала XXI века весьма изрядно уподобилась средневековой схоластике. Наука все более сводится к цитированию авторитетов и интерпретации их точек зрения.

Академическое поле разлиновано и регламентировано настолько плотно и жестко, что любое свободное движение все более нарушает инструкции и законы дорожной полиции этого региона. Езда по этим правилам отнимает решительно все время и все силы.

Представляется более плодотворным работать вне академического поля, если ты придаешь значение именно тому, что считаешь нужным сказать, а не существованию внутри академической системы.

Философствование насчет философии

1. Из чего родилась и сформировалась философия? Из потребности человека постичь устройство мира. Понять, узнать, вообразить начало и причину Истории. В чем изначальная причина Всего Бытия? Как связаны его части? Почему отношения человека с природой именно таковы? И т. д. Философия включала в себя и космогонию, и психологию, и логику, и этику, и политологию, и т. д.

2. Какова основная задача философии? Объяснить в полном объеме и на всех уровнях, почему жизнь устроена так, а не иначе. И как же именно в своих глубинных взаимосвязях она устроена.

Уровень космологический первично выглядел: отчего холод и жара? ночь и день? солнце и звезды? откуда взялись, кто сделал?

Уровень психологический первично выглядел: почему он сильнее? почему мы воюем? почему она хочет быть с ним, а не со мной?

Как дельта реки дробится на ручьи и протоки, философия на рубеже XXI века растеклась на множество внутрифилософских наук и поднаук. И каждая занимается своим делом. Узкая специализация под увеличением подробного микроскопа делается безбрежно содержательной. Но основной вопрос остается тот же.

Почему человек таков, каков есть. И почему мир таков, каков есть. И в чем первопричины этого устройства. И как они связаны и обусловлены друг другом.

Устройство мира отошло к естественным наукам. Устройство личности и общества отошло специальным гуманитарным наукам.

Вопрос о первопричине Бытия в противоположность Небытию был серьезными людьми отнесен к области принципиально Непознаваемого.

Что осталось в изначальной основе? Вот если без постмодерна и пятой производной от смысла?

Что такое счастье? Почему мир несправедлив? В чем смысл жизни? Чем все кончится? Философия, которая не рассматривает эти базовые для любого человека вопросы, не есть философия. Но есть частная внутрифилософская поднаука, занимающаяся частными вспомогательными вопросами.

3. Что же такое философия?

Ответ первый. Вся совокупность философских, околофилософских, внутрифилософских наук и поднаук, рассматривающих все философские, околофилософские и внутрифилософские вопросы и подвопросы. И таким образом все, что рассматривает какой-то частный отрезочек и участочек общего философского поля, есть философия. Таковы азы: современная общепринятая точка зрения. Типа нельзя же объять необъятное, но можно потрогать по кусочкам.

Ответ второй. Философия – в смысле конкретная философская система – есть единая, цельная, логически увязанная система мировоззрения, рассматривающая Бытие во всем объеме и основных принципиальных взаимосвязях, от устройства Космоса до устройства индивидуальной человеческой психологии. И все основные процессы Бытия рассматриваются и анализируются с точки зрения единства этих взаимосвязей. Вот все, что вообще существует – находится между основным и принципиальным устройством Космоса – и глубинными мотивами человеческой психики. Как между двумя крайними обкладками аккумулятора. Философия – это цельное и логичное мировоззрение, под углом которого рассматривается и объясняется *все*. Вот вообще все. Таков наш пример. Что?.. простите. Я хотел сказать: вот так следует понимать, что есть философия по настоящему счету.

4. И кто такой философ? Возможен ряд ответов:

а) Любой, кто кончил философский факультет (или еще учится на нем). «Филологи, физики, математики, географы». Групповое отличительное наименование.

б) Любой, кто работает в структуре, преподающей или изучающей философию: на философской кафедре, в институте философии, в редакции философского журнала как специалист, в системе Академии наук по линии философии, или состоит в редколлегии философского издания, и т. д.

в) Любой, кто защитил кандидатскую или докторскую диссертацию по философии.

г) Ну, видимо, любой, кто принят в официальное философское общество, – например, Российское философское общество.

Это – определения в границах академического поля. Хотя есть там еще один ответ:

д) Любой, кто внес признанный философским сообществом вклад в изучение и развитие философии. Независимо от образования и способа зарабатывания на жизнь. Руссо. Гераклит. Спиноза. Как правило, это относится к тем, кого уже похоронили. С мертвцами всегда спокойней и определенней.

А еще:

е) Любой человек, кто часто и углубленно размышляет о жизни и приходит к умным выводам. Кого знакомые считают человеком мудрым. Кто любит выводить обобщения из жизненных частностей. Кто понимает взаимосвязь вещей, способен понять причины явления и неизбежные по жизни следствия поступка. Вот такой стихийный, природный философ. Бытовое такое понятие.

ж) Тот, кто создает оригинальную философскую систему. Цельную и новую систему взглядов на общее устройство мира. На смысл взаимосвязей Бытия. Ну, видимо, это философ по большому счету. Эти философии и создают.

5. Что есть русская философия и каков ее вклад в мировую?

Ну, начнем с того, что наука появилась в России при Петре Первом методом импорта из Германии. Завезли немцев и сделали Академию Наук. Молодая страна. Обиды нет. Кто позже начал – дальше уйдет.

В великом XIX веке русская наука только зарождалась и вставала на ноги. Ну, и философия тоже. И только было дотянулись и приспособились – бац! Октябрьская революция.

Запрещено все, кроме государственно предписанного марксизма. А потом похерили и марксизм и эдакими философскими бомжами стали глядеть, куда пристроиться.

Не место философии в тоталитарном государстве! Не зреет она на Колыме!

Ну, а великий Серебряный Век? Ильин, Федоров, Шестов, Бердяев? В Философской энциклопедии поразила меня давно одна формулировка из статьи о Бердяеве: «Его творчеству были свойственны асинхронные семантические ряды». Я аж рот открыл. В сущности, это жестокое оскорблечение. То есть: «несогласованность смысловых рядов». То есть: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». И это пишет научный авторитет о великом русском философе!

С превеликим тщанием, потея от усердия и волнения, я стал перечитывать Бердяева. Я Бердяева в первый раз на третьем курсе университета читал. Он был при советской власти запрещен, «бердяевщина» было ругательным словом, я читал самиздат. И вот в девяностые стал перечитывать. А лучше бы не брался. Не врет энциклопедия.

Он рассуждает от точки К до точки М. Откуда взялось то, что было до К, его не заботит. Что будет после М – тоже вопрос какого-то другого исследования. Гм. А следующая работа – от совсем другой точки уже до следующей ей. Разные цепи рассуждений, развернутые в разные работы, не лежат в плоскости единой философской системы. Не составляют единого мировоззрения на все проблемы бытия (простите за неправильность выражения).

То есть. Ход размышлений от и до – прекрасен. А о чем речь в общем, в генеральном? Христианскую мораль не Бердяев же создал!

О прекрасной идее Федорова оживить всех мертвцев как конечную цель развития человечества следует говорить скорее с психоаналитиком. Поистине на бесптиче и коза шансонетка.

Да что они, черт возьми, нафилософствовали?! Не надо спеси!.. Они философствовали о разном. Умные образованные люди с развитым абстрактным мышлением и, что не менее важно, сильным и болезненным моральным чувством. (Можно так сказать или нет?..)

Одно из самых ненавистных мне слов – это слово «порассуждать». «Интересно было бы порассуждать на эту тему». Меня от этого крючит. Не «проанализировать», не «сделать выводы», не «определить доминанты», и даже не «рассмотреть ситуацию» – а именно «порассуждать»!.. Клуб пикейных жилетов на randevu. Портрет гуманитарного интеллигента в кухонном интерьере. И вот никак я не могу отделаться от того представления, что русская философская мысль любила порассуждать. О высоких и важных материях. На ту или иную тему. Вообще так. Обобщая.

Я полагаю разницу между словами «философия» и «философствовать». Философия – это система, мировоззрение, единый комплекс взглядов на мир, и в ее основе лежит оригинальный, свой собственный, не бывший ранее взгляд на всю взаимопричинность Бытия. Примерно так. А философствовать – это рассуждать в парадигме одной или нескольких готовых и чужих философских систем на разнообразные темы, как связанные, так и не связанные между собой.

В таких формулировках – философии в России не было. Было философствование. Глубокое и мелкое, умное и пустопорожнее, по разным умным или менее умным, или даже важнейшим, вопросам.

5A. Когда я читаю труд, посвященный апологетике свободы, у меня повышается давление. Что такое свобода????!! Как ты ее понимаешь и можешь сформулировать в данном рассуждении?! Где здесь категория, где здесь субстанция, что ты вообще имеешь в виду? Она не имеет физических измерений. Свобода не сидеть в тюрьме, свобода не подчиняться власти, свобода летать, свобода повеситься и т. д. бесконечно – это несколько разные вещи. Свобода выражать мысли и передвигаться – это часть области свобод гражданских, где неизбежны области свободы и согласованного подчинения. И так куда ни плюнь. Здесь не место давать хоть краткое исследование и формулировки – я сделал это в «Все о жизни». Это не философское рассуждение – это метафористика: рассуждать о свободе, не формулируя жестко предмет рассмотрения. Это парафилософия, субфилософия, поэтикофилософия, вошедшая на рубеже XIX–XX веков в моду с руки Ницше.

Эту смесь христианского морализаторства с идеалистическим анархизмом, вылетающую порциями, как волны аромата из хлопающих дверей цветочного магазина, невозможно воспринимать всерьез.

Впрочем, в Словакии, Эстонии и Португалии тоже есть словацкая, эстонская и португальская философская мысль, просто мы ее отсюда плохо видим и не очень осведомлены. Кстати, ирландская философская мысль имеет очень древние корни. И ни слова о выпивке!

6. Если понимать под философом мыслителя, создавшего свою философию, то бишь единую философскую систему взглядов на мир, оригинальную и внутренне логичную, объясняющую сущее с единой и дотоле не бывшей точки зрения – ну, на этом уровне подхода философов в России не было.

А кто есть? Строго говоря?

Есть философоизучатели. Философопопуляризаторы. Философоинтерпретаторы. Философоуглублятели и философоразвиватели.

Мелкорозничные философоразработчики есть. Философопреподаватели в изобилии. И над всеми, в серебряном прошлом – философствователи.

И спасибо им всем огромное. Пусть цветут десять тысяч цветов. Пусть кто может сделает больше.

7. Каждому плоду – свое время цвести и время гнить. (Что мы, метафор навертеть сами не можем?..)

Когда в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году к нам на филфак Ленинградского университета съезжались стажеры из Сорбонны и Беркли – о: шла злая шампанская волна Новой Философии! Маркузе и Поппер были замшелыми столпами, а в молодых умах буйствовали и издевались вполне молодые Деррида, Барт, Фуко и вся братия. Слово «постмодернизм» только оформлялось на губах. После тупого советского-марксистского железобетона новая философия была прекрасна, как Битлз, вожделенно-демократична, как джинсы, модна, как красные носки под брюками в шестнадцать сантиметров! Гремела революция сексуальная, хипповая, анашовая, матерная, антибуржуазная! Мир треснул, и трещина прошла через мозги философов также.

Время созидать – и время нести по кочкам! По кочкам веселей.

По прошествии сорока лет странно встречать эпигонов этого веселого разрушительного хулиганства. Ибо разрушать можно только то, что уже кем-то до тебя создано. В этом смысле: созидание бесконечно – разрушение ограничено. Но забавно и слегка удивительно уважение, с которым стараются относиться к себе терминологически нагруженные пустоболты, строя карточные домики из слов.

Я бы охарактеризовал сегодняшнюю эпигонскую постмодернистскую философию как «деструктивный мультиконструктивизм». Мы можем взять любую грань любого аспекта Бытия в любой трактовке, и на этой грани создать любую зеркальную конструкцию. Объективная истина – это не более чем беглый повод для насмешки. Встроенность в некую общую целесообразность – для идиотов, здесь не может и предполагаться. Главное: создать конструкцию, которой еще не было. Виртуальность конструкции есть положительное качество, ибо в сущности виртуальна вся интеллектуально-чувственная сфера, и тем самым вся культура. А что виртуально – то произвольно и относительно.

Так мы на следующих витках спирали, которую не скажу кому и куда надо вставить, вернулись к апориям Зенона, и как это стильно, что Ахилл никогда не догонит черепаху; и к прекрасному предложению посвятить себя исследованию, сколько ангелов может поместиться на острие иглы, ибо это дает неограниченный простор для предположений и логических схем.

Эти экзерсисы имеют тот же смысл, что изощренные упражнения для музыканта; или коллекция мод высокого дома, которых одежд никто никогда вне подиума не сможет носить. Качалка для мозгов, клизма для кишечника. Думать и рассуждать – таки да полезно. Но к устройству мира и истине это не имеет никакого отношения.

Дикие и хилые побеги современного постмодернизма – это выморочные мутации философской эволюции, которая не может прекратиться в любых условиях. Переползание философией теневой болотистой зоны на пути между двумя вершинами, прошлой и будущей.

8. Философы – тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Проходя мимо туалета, приходится морщить нос. Я имею в виду идиотов от неофрейдизма, которые не все еще перевелись. И как обычно, самое забавное и бесящее в дураке – это самоуважение. Дурак уважает себя за научность рассуждения и за научность вывода, презирая необразованных: непосвященных, не постигших глубин его мысли.

И когда мыслитель класса Эриха Фромма кропотливо и научно доводит до сведения человечества, что у Адольфа Гитлера был анальный тип личности, и его влечения, идеи и действия в основном определены тем, что у него были проблемы с дефекацией и патологически преувеличенное внимание к дефекации, что, короче, какал он плохо и хотелось ему играть со своими какашками, вот в чем корень гитлеризма! – мне хочется заставить автора этого научного открытия строить домики из своих какашек и судебным решением запретить ему писать книги.

Научная логика и здравый смысл могут не совпадать, и сильно не совпадать! Но вовсе провозгласить примат научного исследования над здравым смыслом, и тем хуже для смысла

при их несовпадении! – это ведет в веселый бурьян интеллигентского идиотизма, где психопатологически и занимается дефекацией когорта тужащихся мудрецов современного неофрейдизма.

Нет, вы понимаете: танцовщик в обтягивающем трико достиг вершин балетного мастерства и скакет перед залом, потому что в детстве испытывал влечение к своей матери! Забавно то, что сей вольный бред серьезно обсуждался крупными формальными авторитетами.

9. Змея, глотающая свой хвост – это, конечно, хороший старый символ. Однако самопреваривание не есть диета, способствующая здоровью и ясности мышления.

С определенного момента философская мысль занялась в основном изучением себя. Мысль стала под разными углами и соусами мыслить себя самоё. А, собственно, какое отношение к реальности вообще имеют мои чувства? И мысли? А может, все это иллюзии? И познание – не более чем интеллектуальный экспесс моего мозга? И вообще: Бытие – это сумма языковых понятий? Или служебный материал для человеческого страдания, каковое и есть основа основ Мира? Давайте разбираться, в чем основа основ всего Сущего, и какими средствами это может быть познано и передано. И каковы варианты Познания, и какой из них предпочтителен, а какой неверен.

Здравый смысл, устройство мира и человеческие проблемы оказались изрядно разделены. Философия занялась прежде всего самой собой, любимой и важной.

Если из философского труда невозможно понять, в чем смысл и причина существования сволочей и героев, счастья и горя, справедливости и вражды, и вообще почему мы творим то, что творим, – это, наверное, не совсем философия. Это некие там были разговоры о частных и специальных вопросах. Больному без медицинского образования бессмысленно читать учебник анатомии или биохимии в надежде исцелиться от своего недуга. Они необходимы врачам.

Часть любой системы всегда работает на самообеспечение всей системы. Хоть в государстве, хоть в армии, хоть в любой фирме: надо обеспечивать своих сотрудников едой, кровом, транспортом и т. д. По мере бюрократизации любой социальной системы все большая часть ее действий направлена на поддержание и развитие собственной деятельности. По достижении пика эффективности, по достижении оптимального баланса расходов на внутреннюю и внешнепродуктивную деятельность – наступает дегенерация системы, дополнительные расходы дают все меньшую отдачу наружу, все более потребляются внутри самой системы. И вот уже система работает сама на себя: все силы и средства идут на поддержание своей деятельности без всякой пользы посторонним.

С философией за последние пару сотен лет произошло нечто аналогичное. Все больший объем работ по самопознанию и саморазвитию, углублению и расширению старых и все новых течений и подходов.

Академическая философия разрастается в академическом пространстве, в котором уже почти неразличима нормальная человеческая проблематика. Философия достигла необыкновенной глубины и изощренности в познании себя.

Это ужасно напоминает старый фантастический рассказ про робота-зазнайку, который увлечен перед зеркалом сложностью и гармонией своего устройства, будучи изначально создан как автоматическая открывалка для пива.

...

(Заметка на обороте:) Социология и эволюционизм определили генеральный курс философии XX века – среди реликтовых самокопаний посттерминологии и игр в бисер, сплавляющихся с туманом в прошлое. Европейский позитивизм преобразовался в американский прагматизм и направленно отвердел до инструментализма. Младшие уходят дальше: американцы начали последними. Ну, потом франкфуртская школа в тридцатые переехала в США, и эстафетную палочку употребили в непотребные действия.

И однако – и чтобы ты знал:

Философия – это ответы на главные вопросы твоей жизни, и именно твоей.

Все остальное – это второй эшелон философии, вспомогательные устройства, обеспечивающие механизмы, обозная команда, административно-хозяйственная часть, материально-техническое снабжение и медицинская помощь. Тысяча человек тридцати специальностей в сотне грузовиков носят эмблемы танкистов, но только восемьдесят бойцов в экипажах двадцати машин и есть собственно танковый полк. М-да – ордена тыловики хватают ловчее.

Главное – как же устроен этот мир, в связи с чем мы вписаны в него именно так, и какой в этом смысл.

А если вам пытаются пудрить мозги – это или парфюмер, или кондитер.

Глава вторая Удача на одного Молитва и невезение

О том, почему если везет в картах – не везет в любви, а все наши желания и поступки – в общем предугаданы и предназначены, как единые законы единого Мира, действующего через нас.

Суеверие

Покуда Френсис Бэкон не сформулировал: «Знание – сила», никто особенно и не сбирался сомневаться в могуществе потусторонних сил – они же Высшие и т. п. Настал век рационализма, грянула эпоха Просвещения, святой церкви припомнили инквизицию и аутодафе, светлые головы стали возводить Храм Науки и погнали Бога оттуда вон. Есть только законы Природы, которые мы можем постичь своей головой себе на пользу. Знание смеялось над Верой.

Наполеон, артиллерист и шахматист, твердо знал, что Бог на стороне больших батальонов.

Попа звали к больному тогда, когда врач объявлял медицину бессильной и пора было облегчать душу покаянием.

Молитва приобрела характер причитания из ряда вдохновенных междометий. Она уподобилась ругани с обратным знаком: отвести душу в словах и интонациях.

И однако... Боялись перешедшей дорогу черной кошки, и сплевывали трижды через левое плечо от глаза, и избегали вернуться с начала пути за забытой вещью домой – не повезет в походе, а уж если возвращались – то старались поздороваться со своим отражением в зеркале... И вообще перечень примет на все случаи жизни должен составить огромный том.

Марк Галлай развеивал суеверие летчиков-испытателей: «Просто в старом обмятом комбинезоне комфортнее себя чувствуешь и ничто не отвлекает в полете, на крыло всегда встаешь с левой ноги, потому что иначе элементарно неудобно, а „амulet“ в кармане – не более чем дань памяти и сентиментальности, который добавляет каплю уверенности в благополучном исходе полета, что всегда невредно».

И однако:

Если сначала, набирая силы и мощь, наука развеивала все больше суеверий! То позднее, расширяя сферу познания, – наука переводила все больше суеверий на поле науки!

Метеорология подтвердила массу «народных примет». Метеозависимые люди перестали служить предметом насмешки фанатов кабинетной науки. Ломота в месте старых ран и переломов, головная боль, – признак перемены погоды более верный, чем спутниковая фотосъемка и компьютерное моделирование циклонов. Такие дела. То есть. Рукотворные приборы менее чувствительны, чем нерукотворное явление природы – живой организм. Ну, он и посложнее будет. И регулируется потоньше.

Еще приборы не фиксируют изменения давления и влажности воздуха. А изменение параметров электромагнитного поля планеты в этом конкретном месте? А влажность почвы? А мельчайшие сбои в регуляре сейсмических колебаний (и как их отличить от техногенных)? Но букашки закрывают вход в свои норки, чайки ходят по песку, ласточки летают ниже, – и вообще *что-то происходит*.

Будьте спокойны – если у хищников приплод меньше обычного, то год будет неурожайный: нет травы – нет добычи. Биосфера как единый организм.

Поскольку уровень технологий был тысячи лет назад куда ниже, а мозги и основные потребности были те же – лучшие умы составляли карты примет, угадывая через них общую картину. Товарищи волхвы, авгуры, жрецы и шаманы. Потом начиналась бюрократизация и этой области знаний. Потом профессионалы подсиживали друг друга и боролись за руководящую должность в храме и доступ к императорскому уху. Протонаука подвергалась профанации и формализации.

Но. Причинно-следственная карта действительности дает логичную модель на уровне суеверий, как мы их называем. Гипотетические величины этой карты могут быть в принципе

неверны, верны, или верны частично. От полного их приятия мы через науку пришли к полному отрицанию, – а теперь начали разбираться, что там верно, а что нет. Осторожней стали.

Подтверждение в новейшие времена все большего количества суеверий, как на уровне объяснительных сведений к научным теориям, так и на уровне научно удостоверенной фиксации без возможности объяснений, говорит о взаимосвязи сущего большей, чем мы знаем и понимаем.

Поскольку познание безмерно, то познание в областях именно взаимосвязи всего сущего также не имеет предела. Из чего так и хочется вывести ернический вывод: пока не познаем полную взаимосвязь вообще всех частностей Бытия – не остановимся.

Этот набор весьма общих фраз и рассуждений имеет лишь тот смысл, что вспышки на Солнце, толщина годовых колец деревьев, кровавые революции и процент беременностей есть видимые нам части невидимого нам целого.

Мы существуем, желаем, мыслим и действуем в единой системе Бытия.

В этой единой системе Бытия мы несравненно менее свободны, чем нам кажется.

И мудрые всегда это знали. А глупая масса перенимала взгляды мудрых. Парки, майры, боги и духи владели людьми и определяли их судьбы.

Прозреть невидимые нити судеб людей и мира – жажда и удел мудрого. Ну, вот мы и пытаемся.

Молитва

Идеи становятся материальной силой лишь тогда, когда они овладевают массами, сказал Ленин. И ведь был прав, черт возьми! Правда, овладевать массами можно по-разному. Прямо и косвенно. Внедриться во все головы и повести на борьбу. Или поселиться в одной голове и заставить изобрести порох. Правда, такая идея называется обычно творческой, она же созидательной (разрушительной?) мыслью.

Конечно, молитвы должны идти от сердца. Как и любое желание. Тогда больше шансов.

И вот в древние советские времена стою я, бедный студент, в очереди за пачкой сахара. А передо мной мужик с сеткой, а в сетке у него бутылка водки. «Столичной». Запотевшей. Мороз на улице. И смотрю я на бутылку с чувством неизъяснимым и сильным. И не зависть, и не злоба, а какой-то ледяной всхлип, тонкий и острый, как стилет буквально. И – крак! – лопнула бутылка! На глазах. Пополам. Я рот открыл. Он меня убивать начал. Мужики отбили. Поклялись в очереди, что не прикасался я к бутылке.

Сущность молитвы не в словах, а в желании.

Молитвы есть самая примитивная попытка, в самой общей и неопределенной форме, повлиять на Бытие в желаемом направлении одной лишь силой своего желания. Я очень-очень-очень хочу, чтоб было вот так – и пусть будет (Господи, Аллах, Зевс, святые духи) именно так.

Высшее Существо при молитве – персонификация безграничной возможности этому моему желанию быть исполненным. Если есть Кто-то Всемогущий Наверху – значит, все возможно, и мое моление возможно к исполнению, только бы Этот Наверху услышал и захотел.

При молитве Господь есть посредник и мультиплликатор нашего желания. Мы чаем донести до Него наше малое – чтобы Он отразил его Своей мощью в реализуемое желание. Такой виртуальный посредник-реализатор нашего желания упорядочивает нашу психику и представление о мире. На уровне объяснения – это самый простой и прямой способ объяснить, почему и каким образом желаемое возможно.

А возможность придает надежду. А надежда преумножает силы.

Вера сдвигает горы. Вера означает, что иногда я могу больше, чем могу в объеме измеримых реальных своих данных. Вера приводит к более сильному, чем без веры, психическому напряжению, «выбивая» скрытые ресурсы наших сил и энергии.

Вот и солидаризуются мудрые врачи со священниками в том старинном, что если за чье-то исцеление молятся истово многие, то он исцелится вероятнее, чем при прочих равных тот, к кому равнодушны.

Молитвы есть форма желаемого энергетического воздействия на Бытие. Обычно это слишком слабое воздействие, ничего не в силах изменить. Но иногда, но исходя от некоторых, но вместе, – с этим стоит считаться.

Более или менее примирились с осознанием паранормальных способностей экстрасенсов, двигающих предметы силой... чего? мысли? это даже не мысль – но вот такое не то желание, не то представление, не то мысленный посыл. А в общем – энергетическое воздействие, которое можно измерить в джоулях, килограммометрах и калориях.

Более или менее привыкли к понятиям, бытовым, но вполне определенным, «энергетических вампиров» и «подзаряжающих аккумуляторах». Всем хорош человек – а через два часа общения с ним аж жить не хочется, упадок всего и полежать бы. А другой – циничный негодяй, но рядом с ним как-то делаешься веселей, увереннее в себе, энергичнее, – словно подкачали тебя, как мяч до звона.

Можно бесконечно продолжать о тибетской медицине, о насыщении порчи и сглаза, об улавливании мыслей и внушении мыслей на расстоянии, и многом другом. Но. Главное. Очень простое.

Люди молились всегда. Значит уже, что-то в этом есть. Молитва – одна из форм полагания мира цельным и взаимосвязанным, и полагания человека способным влиять на этот мир за пределами понятных и объяснимых ему способов.

Проводя прием в каратэ, боец «давит орех» под ложечкой, выстреливая импульс в работающую группу мышц. Настоящий мастер делает это, выдавая поражающий энергетический импульс, «кимэ», без механического напряжения мышц, без механических усилий: касание плеча – и детина рушится на колени.

«Мировое общественное мнение» утверждало, что когда советский претендент на чемпиона мира по шахматам Карпов проигрывал матч антисоветскому претенденту Корчному, из-под Москвы привезли группу неизвестных. Сидя в первом ряду зала, неизвестные буквально путали Корчному мысли и глушали голову, доводя до истерик.

Хороший кольт, подкрепленный молитвой, действует лучше, чем просто хороший кольт.

То есть. Люди всегда. Влияли и знали. Что взаимосвязь всего и причастность человека к этому всему. Выходит за пределы объяснимого непосредственной связью, постижимой органами чувств. Это традиционно; общеизвестно; банально.

...

Систематизировать банальное так, чтобы сами напрашивались выводы столь же явные, сколь оригинальные, – вот в чем вопрос, тот самый, ага.

Многие знают – не многие понимают.

* * *

Молитва. А теперь, Господи, помоги мне переварить то, чем я так славно угостился. Шучу. Цитата.

Молитва. А теперь, Господи, можешь не помогать, только не мешай. Опять шучу. Опять цитата.

Молитва. Вразуми и наставь, бо ум умом, характер характером, и даже удача – удачей, и даже помочь другим – помощью, но без воли Твоей ничто не возможно.

Молитва. Господи, сделай так, чтоб я удачно отбомбился. Еще шучу. Еще цитата.

Молитва. Если Ты дал мне увидеть Нечто – позволь оправдать Твои надежды.

Молитва. Неизреченное есть...

Закон парных случаев

Теория вероятности требует равномерно распределять случаи по времени и пространству. И счастливые лотерейные выигрыши, и пропадающие в бермудском треугольнике корабли, и взрывающиеся склады боеприпасов – должны как-то равномерно и регулярно располагаться на глобусе и в календаре. Вредители и сосредоточение войск, разумеется, вне нашего интереса: лишь честные случаи судьбы и удачи без вмешательства человеческой воли интересуют нас.

По теории вероятности снаряд дважды в одну воронку не попадает. По закону же парных случаев – еще как попадает! Как раз и очень даже.

Из мировой литературы, а также историй болезней, а также сводок происшествий, а также личного опыта каждого – этот закон парных случаев и выведен. Из опыта человечества, можно сказать.

За всю мою жизнь бензопила только дважды прыгнула у меня в руках, оттолкнутая срезом падающего ствола, и чиркнула левую штанину прямо над сапогом. Первый раз по ткани. Заметьте, нет такого леспромхоза, где не подпрыгивала бы в очереди за водкой пара одногих бывших вальщиков. Я это знал; и насчет того, что дважды в одну воронку не попадает, тоже знал. И вместо того, чтобы заглушить пилу и перекурить, спокойно работал дальше. И через пятнадцать минут она распилила мне колено. Тогда я о парных случаях задумался.

Если ставить чистый опыт. Например, равномерно сталкивать с края стола бутерброд. И из тысячи раз он точно около пятисот упадет маслом вниз. То тут все ясно. Каждое падение – пятьдесят шансов из ста, что маслом вниз, так что иногда и два, и даже три раза подряд может падать верхом или низом, все понятно. Может иногда и больше.

Но почему иногда по «скорой» привозят с малым интервалом два редких и похожих случая: хоть перитонит, хоть «падение с высоты», хоть «ножевое»? Врачи отлично знают, что мера совпадений здесь демонстративно превосходит среднюю вероятность.

Едем дальше. «Пришла беда – отворяй ворота». «Жизнь – полосатая: полоса черная – полоса белая». Почему?

Недоброй памяти 1986 год. Какое отношение имел взрыв Чернобыля к уморасслаблению капитанов и вахтенных штурманов «Нахимова» и «Васева»? И они вместе – к обрушению «Суворовым» поезда с моста себе на палубу и взрыву газа в распадке, сжегшему два пассажирских поезда при встрече там? Уж утечка газа из трубы там – ну почти совсем случайность! Почему они так густо сгруппировались во времени?..

Мы этого не знаем. Рационально не постигли. Наука тут пока не в курсе дела.

Мы можем говорить: «Система посыпалась!..», или «Разгильдяйство дает свои плоды!», или: «Раньше или позже что-то такое должно было случиться!». Оно так. Но почему – серией? полосой? кучкой?

Представим себе, что мы ничего не знаем о механизме землетрясений. Мы и так не много знаем, но – будто вообще ничего. И вот – толчок. И мудрые старики прорицают и велят: «Драпаем все быстро! Скоро еще тряханет!» Они не знают про наползание тектонических плит, про зону разлома и напряжения, про упругость сжатия и растяжение и скачкообразность смены напряжений. Они просто здесь давно живут и от предков знают, что первым толчком дело не обходится – это только начало. Выглядит их знание как прорицание сверхъестественного.

Сверхъестественным выглядел массовый исход животных за часы до землетрясений. Стали больше знать – оказалось просто: инфразвук, низкочастотные колебания почвы как знак угрозы.

В объеме знаний и методов современной науки закон парных случаев выглядит курьезом, суеверием. Он не может быть воспроизведен в повторяемом опыте с известными исходными условиями и предсказуемым результатом. Не может? Значит – не наука!

Мы можем строить гипотезы. Пытаться моделировать ситуацию. Но отрицать явление потому, что мы не можем его объяснить – обычная обывательская тупость конформистской массы.

Теперь представьте себе стаю птиц – большую, густую, летящую. Представьте себе пулю, пущенную в стаю. Чем больше и гуще стая – тем больше птиц окажется на линии прицела. В очень жидкой стае легко промахнуться вообще, в густой – обязательно в какую-нибудь попадешь, очень густая – пуля сбивает две или даже три птицы. И – птицы в густой стае, не понимая сути явления, говорят о законе парных случаев: упала одна – и сейчас за ней упадет другая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.